

63.3(2р-4м)

У-69

М85483

Урманов

ОТРЯД
ПЕТРА СУХОВА

НОВОСИБИРСК * 1938

R.S.L. KEMEROVO

81456

ЭК

н

207

844

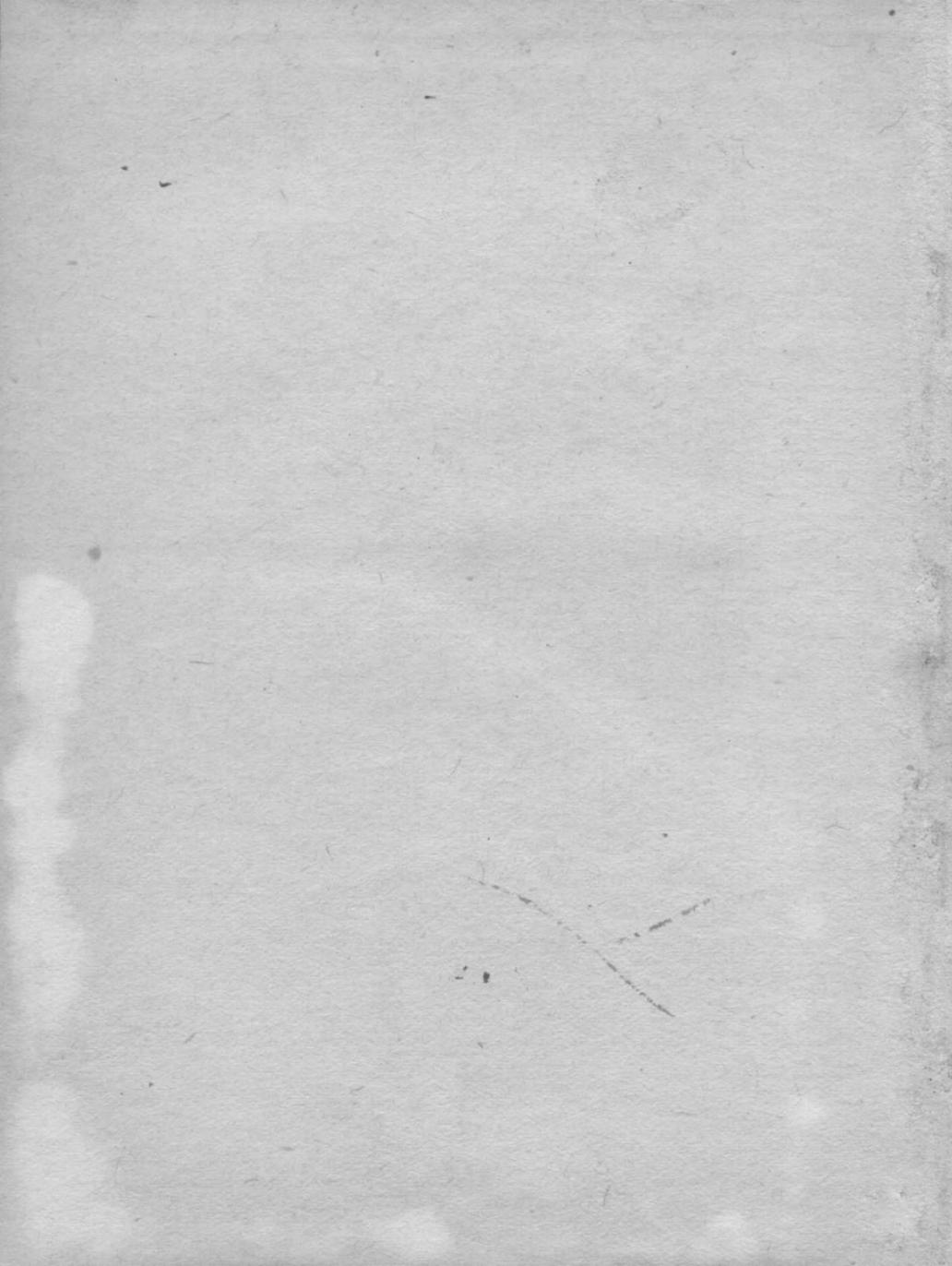
121

93/

111

КР

л 85483.

63.3(2р-4к)

КОНДР. УРМАНОВ

9(с)21(с18)к

469

ОТРЯД ПЕТРА СУХОВА

~~46947~~

82

III

352.

~~КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
Библиотека
№ 285107~~

A

КЕМЕРОВСКОЙ
Центральной библиотеки
имени ПЕТРА СУХОВА

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО—1933

Редактор *С. Кожевников*
Техред *В. Лазарев*

Сладо в производство / 5|III-38 г.
Подписано к печати 19/VII-38 г.

Фор. 70×108¹/₃₂. Тираж 10000. Бум. л.
1,563. Печатных л. 3,125. Автор. л. 4,7.
Уч -авт. л. 5,457. Индекс X-1-в. Изд.
№ 2000. Новосибирск, типография № 1
Облесполкома. Зак. № 840. Уполномо-
ченный Обллита № 10817 от 19/VII-38 г.
Цена 1 р. 65 к. Переплет 1 р. 25 к.

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ СУХОВ

„Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты“.

И. В. Сталин

(Доклад о проекте Конституции Союза ССР).

ТРЕВОГА

Длительные тревожные гудки на всех шахтах разбудили Кольчугино, нарушили тишину майского утра. Со всех концов поселка к площади торжественно спешили рабочие. Тревога проникла и в недра земли, где шахтеры добывали богатства молодой республике. Горняки вышли из забоев, поднялись на поверхность и, не расставаясь с кайлой, двинулись на площадь, к зданию Совета.

Над площадью стоял тревожный гул. Никто не знал, в чем дело. Ясно было одно: тревога не маловажная, не случайная.

В здании Совета проходило экстренное заседание. Рано утром из Волотной была получена телеграмма:

«Выступлением белых и чехов свергнуты советы в Новониколаевске и Челябинске. Попавшие в руки мятежников большевики расстреляны»...

Совет должен был решить — что делать? И Совет единогласно решил:

— Задержать врага. Развернуть фронт. Защищать до последней возможности родной Кузбасс.

Встревоженная масса шахтеров взволнованно шумела у крыльца Совета. Наконец появились руководители. Разноголосый шум смолк.

Перед шахтерами выступил посланный ЦК партии большевиков для работы в Сибири тов. Комаров.* Он был членом Томского комитета партии, не раз бывал в рабочих районах Кузбасса и знал, что шахтеры не отдадут без боя власти Советов.

— Товарищи шахтеры! — начал свою речь Комаров. — Мы получили известие о падении власти Советов в некоторых городах Сибири, расположенных на линии железной дороги. Белогвардейцы с помощью чехословаков хотят вернуть нас к прежнему рабству...

Старый шахтер, стоявший у крыльца, грозно поднял сжатый костлявый кулак.

— Как?! Опять нам на шею царя с жандармами?! — Его морщинистое лицо, в складках которого залегла извечная несмываемая угольная пыль, выражало недоумение и гнев. — Опять в кабалу?

И словно отвечая ему, прогудел чей-то бас из последних рядов:

— Не нравится им наша рабочая власть...

Взрыв негодования прокатился по рядам шахтеров.

— Этому не бывать!..

Комаров протянул руку, и шум затих.

— Да, товарищи, — продолжал он, — буржуазии и ее приспешникам не нравится наша трудовая власть... Они призывали на помощь иностранный капитал... Но попытка поднять контрреволюцию и задуть власть Советов — не удастся! Советская власть крепка любовью миллионов трудящихся... Развернувшиеся события — только перерыв в творческой работе пролетариата, устроенный кровавыми руками буржуазии, эсерами и меньшевиками... К оружию, товарищи! Власть Советов — не отдадим!..

В ответ на призыв Комарова зазвучало единое, грозное решение шахтеров:

* Впоследствии т. Комарова поймали чехи возле Гурьевска и после жестокого допроса расстреляли.

— Разгромить гадов!..

Шум, точно волны морские, то нарастал, то затихал. Волнение усиливалось. Этот день, начавшийся неожиданным событием, теснее и крепче сплотил шахтеров. Над завоеванной ими свободой, над их жизнью снова был занесен меч в кровавой руке вековечных угнетателей. Горячему гневу рабочих не было предела.

Когда шум на минуту смолк, к шахтерам обратился секретарь Совета, член штаба Красной гвардии Петр Сухов.

Базалось, он меньше других был взволнован. Спокойно и уверенно объяснил он собравшимся решение Совета:

— Не откладывая на завтра, — сказал он, — а сейчас же, немедленно мы должны закрыть врагам вход в Кузбасс; объявить запись добровольцев в Красную гвардию; связаться с другими рудниками для совместной борьбы с врагами революции. Время, товарищи, не терпит... Я предлагаю сейчас же начать запись добровольцев...

Сухова хорошо знали шахтеры. Он вырос в семье железнодорожника. В годы империалистической войны был призван в царскую армию, перенес на разных фронтах муки трехлетней империалистической войны, увидел всю жуткую правду гибели миллионов людей, и еще на фронте вступил в партию большевиков. После Октябрьской революции Сухов весь отдался советской работе и организации Красной гвардии в Кольчугино и окружающих волостях.

Сейчас, передавая шахтерам чистый лист бумаги, он наказывал:

— Записывайтесь, товарищи, только те, кто по своему здоровью может идти в поход... Снесите оружие к Совету. С голыми руками против врага не пойдешь...

Дружно, наперебой, шахтеры ставили свои подписи на листе бумаги. За короткое время записалось свыше 300 добровольцев.

К вечеру первый эшелон шахтеров-красногвардейцев в 80 бойцов под командой товарища Шильшикова покинул Кольчугино и двинулся к Юрге, чтобы задержать продвижение врага в

Кубассе. Совет разослал гонцов по всем рудникам и ближайшим восьми волостям, где были уже созданы небольшие отряды Красной гвардии.

На призыв Совета откликнулись рабочие Гурьевска, Щегловска (Кемерово) и Прокопьевска. Вооруженные группы стали прибывать в Кольчутино на завтра же, с утра. К вечеру до 800 бойцов, объединенных под командой тт. Сухова и Сихты, двинулись к станции Арлюк.

Слабо вооруженные, без единого пулемета, они смело вышли навстречу отлично вооруженному врагу...

В те бурные дни 1918 г., когда рабочий класс начал строить первое в мире рабоче-крестьянское государство, со всех сторон на молодую республику Советов наступали черные силы контрреволюции отечественных и международных хищников.

Япония, Англия и Франция высадили свои войска на Дальнем Востоке; немецкие солдаты топтали хлебородные поля Украины и грабили ее богатства; в Забайкалье хозяйничали банды атамана Семенова. На Дону, на Кубани и в Приуральи уцелевшие царские генералы собирали вокруг себя офицерские и добровольческие силы, подготавливая поход на Красную Москву.

Страна билась в тисках разрухи и голода. Многие заводы и фабрики не работали.

К тому времени почти вся Сибирь была покрыта сетью подпольных белогвардейских ячеек* с главным штабом в г. Новониколаевске.

Отъявленные монархисты, купцы, припрятавшие награбленные богатства, эсеры с меньшевиками и областники — все враги революции объединились в этих ячейках для одной цели — задушить власть Советов, власть трудящихся.

* В Новониколаевске белогвардейскую ячейку возглавлял капитан Гришшин-Алмазов (впоследствии — главнокомандующий), в Томске — подполковник Пепеляев, в Омске — Иванов-Ринов, в Иркутске — подполковник Елец-Усов, в Барнауле — подполковник Ракин, в Семипалатинске — Зубарев-Давыдов, в Челябинске — подполковник Войцеховский, в Красноярске — подполковник Ушаков.

Союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» и союз маслодельных артелей бросили миллионные средства на подготовку вооруженного выступления против советской власти, на подпольную контрреволюционную работу.

Усиленно готовясь к свержению советской власти на территории Сибири, контрреволюция искала поддержки у заграничных капиталистических хищников. С этой целью группа эсеров выезжает в Манчжурию и ведет «дипломатические» переговоры с генералом Хорватом. С этой же целью в апреле из Новониколаевска ездил в Москву с документами союза кооперативных союзов «Закупсбыт» капитан Коншин. Сопровождение, на которое прибыл «кооператор» капитан Коншин, проходило в стенах французской военной миссии и было занято отнюдь не кооперативными вопросами. На этом совещании присутствовали: полковник французского генерального штаба Корбейль, начальник французской военной миссии генерал Лаверне, начальник английской миссии генерал Локкарт; от русской академии генерального штаба были генерал Иностранцев и полковник Сыромятников. Совещание решало один вопрос: свержение советской власти и возобновление фронта против немцев на территории России.

Но для свержения советской власти нужны были реальные силы, и совещание вступает в сделку с чехословацким «национальным советом», чтобы использовать для этой цели чехословацкую армию, сформированную еще временным правительством Керенского из бывших военнопленных. Правительства Англии и Франции поставили перед советской властью вопрос о переброске чехословацких войск во Францию через Владивосток. Эта переброска была необходима империалистам для того, чтобы открыть фронт против Красной Армии на Волге и Урале, захватив Сибирь и Дальний Восток.

К мало двухсоттысячная, хорошо вооруженная чехословацкая армия растянулась цепочкой по линии железной дороги от Пензы до Владивостока. Эсерово-белогвардейская свора, усиленно готовилась к вооруженному выступлению.

В половине мая в Челябинске было проведено второе сове-

щение, на котором довольно полно были представлены и иностранные и «отечественные» бандиты. Кроме англо-французского и чехословацкого командования были: представитель подпольного белогвардейского главного штаба Гришин-Алмазов и представители военного отдела членов учредительного собрания — Капцель и Галкин.

Здесь был выработан совместный план выступления, и уже в ночь с 25 на 26 мая чехи и белогвардейцы заняли Новониколаевск (ныне Новосибирск), Мариинск и Челябинск, а тремя-пятью днями позже в их руках были: Нижнеудинск, Канск, Петропавловск, Томск, Тайга, в центральной России — Пенза и Сызрань. Одновременно в селах вспыхивали белогвардейские и кулацкие восстания.

Чехо-белогвардейцам, занявшим некоторые города по сибирской магистрали, Кузбасс был нужен не только как угольный район: белогвардейцы знали, что рабочие массы не отдадут без боя свою власть, свой Кузбасс; они знали, что ликвидировать Советы в некоторых городах и деревнях, но оставить их в рабочих районах — означало оставить очаги, откуда вновь поднимется пламя народных восстаний.

Первые успехи кружили головы врагов. На станции Юрга был сформирован отряд из чехов и белогвардейцев и брошен на линию, ведущую к сердцу Кузбасса.

...На рассвете эшелон Красной гвардии под командой товарищей Сухова и Пихты приближался к станции Арлюк. В пути к ним присоединился выступивший ранее из Кольчугино отряд Шильников.

Паровоз точно щупал крепость стальных рельс, размеренно постукивая, тянул за собой цепочку красных теплушек.

Дозоры чехов и белых, заметив приближение поезда, подняли стрельбу. Пули как горох зацелкали о стальную грудь паровоза, а он, не ускоряя и не замедляя хода, двигался к станции, словно намерен был смять вражеский эшелон, стоявший на пути.

Разбуженные выстрелами, чехи и белогвардейцы торопливо расставляли свои силы.

В то же время, на виду у противника, начал быстро разгружаться поезд кольчугинцев. Красногвардейцы выскакивали из вагонов и по заранее условленному плану делились на три группы. Одна из них, под командой товарища Пихты, повела наступление на станцию с правого фланга; Шильников со своей группой медленно продвигался с левого фланга, а Сухов с частью бойцов должен был атаковать противника в лоб.

Превосходно вооруженные враги немедленно начали осыпать пулями красногвардейские части. На их стороне сразу заработало несколько пулеметов, а красногвардейцы не могли похвалиться не только пулеметами, но и достаточным количеством винтовок: у многих они были заменены простыми охотничьими берданками...

Белые и чехи, не зная численности отряда Красной гвардии и его вооружения, не решались перейти в наступление и сидели на станции как в клетке, из которой был только один выход — на Юргу.

Весь день прошел в томительной и бесцельной перестрелке. К вечеру красногвардейские части, под сильным огнем противника, ползком и короткими перебежками, настолько приблизились к станции, что была слышна команда противника. Меткими выстрелами они выводили из строя белогвардейцев одного за другим.

— Сдавайтесь, сволочи! — грозно кричали шахтеры-бойцы, — а то камня на камне не оставим!..

Количество убитых и раненых увеличивалось, чехи и белогвардейцы, боясь ночной атаки, в вечерних сумерках погрузились в вагоны и двинулись к Юрге.

— Кишка тонка у благородных сынков, — смеялись красногвардейцы, занимая станцию.

После короткого ужина красногвардейцы погрузились в вагоны.

— Пока враг бежит, его нужно преследовать, — решило командование.

На другой день Красная гвардия кольчугинцев заняла станцию Юрга. Преследовать дальше противника не было возможности. По магистрали враги быстро могли перебросить новые боевые силы и боеприпасы, а у красногвардейцев шехватало патронов.

Совет уведомил командование Красной гвардии, что им посланы люди в Томск за оружием. Ожидая подкрепления, Красная гвардия отошла к станции Шишино и здесь окопалась.

Надежды шахтеров-красногвардейцев получить оружие и подкрепление не оправдались. Посланные люди вернулись и сообщили:

— Томск и Анжерка пали..:

Чехи и белогвардейцы, встретив первое сопротивление, двинули против Красной гвардии Кузбасса большие силы. Эшелоны прикрывались блиндированными площадками, с установленными на них пулеметами.

Сдержатъ хорошо вооруженного врага было трудно. Задача, поставленная командованием, — отвлечь противника в поле и там дать решительное сражение — не удалась: белые и чехи двигались только по линии железной дороги, боясь уклоняться в стороны.

После короткого боя с превосходящими силами противника красногвардейцы отошли к станции Топки. Но и здесь они не могли удержаться — в подсумках бойцов оставались считанные патроны, а враг непрерывно бил из пулеметов.

Взрывая путь и разбирая стрелки, чтобы задержать продвижение чехов и белогвардейцев, Красная гвардия с боем уступала каждый километр, медленно подвигаясь к Кольчугино.

Незадолго до этого, офицеры, посланные из Новониколаевска, подняли кулацкое восстание в тылу у Красной гвардии, в селе Брюханово, и арестовали всех членов совета. Арестованных освободил посланный туда отряд красногвардейцев, но не было гарантии, что завтра не вспыхнет такое же восстание в другом селе. Кулачество, зная о приближении чехов и белых к Кольчугино, открыто выступало против Советов.

Когда Томск пал, Кольчугинский совет стал держать тесную

связь с Барнаулом. К тому времени Барнаульский военно-революционный комитет имел достаточно сил, чтобы не только защищаться, но и бросить свои красногвардейские части на освобождение Новониколаевска.

Малочисленность отряда Красной гвардии и недостаток вооружения заставили Кольчугинский совет перебросить свои силы к Барнаулу.

В эти тревожные дни и бессонные ночи кольчугинцы еще ближе узнали своего секретаря Совета, большевика Петра Федоровича Сухова. Из трех членов штаба Красной гвардии он теперь остался один — т. Пихта и Шильников пали в боях с чехами и белогвардейцами.

Теперь Сухова знали не только как одного из организаторов кольчугинского отряда Красной гвардии, но и как отважного бойца, настойчивого, с большой инициативой, руководителя.

... 5 июня, на рассвете, около двухсот отважных бойцов покинули Кольчугино и направились через Салаир и тайгу на Барнаул.

Шли целый день. На почевку остановились в тайге и здесь общее собрание красногвардейцев выбрало своим командиром Петра Сухова.

Сидя у маленького, чуть тлеющего костра, Сухов говорил:

— Помните, товарищи, мы идем не за тем, чтобы посмотреть новые места и вернуться домой, — мы идем защищать родную нам Советскую власть и мы должны защищать ее от белых банд. Советская власть не может погнубнуть!.. — Огненные блики вырывали из темноты его сухое продолговатое лицо, обрамленное черной бородкой, отросшей за эти дни. Упрямые черные волосы выбивались из-под козырька простой солдатской фуражки. Под пустыми бровями блестели темные живые глаза. — Я это говорю к тому, чтобы каждый из вас понял: мы начали большое дело и должны его кончить! Пусть со мной идет только тот, кто решил биться за Советы до последней капли крови...

С рассветом весь отряд выступил в дальнейший путь.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

План одновременного захвата всех городов Сибири не удался чехам и белогвардейцам.

Захваченные врасплох некоторые города сдались без боя (Новониколаевск, Мариинск). Там же, где была старая большевистская организация, где Красная гвардия была создана сразу же после Февральской революции, а в начале года организованы первые части регулярной Красной армии (Иркутск, Красноярск, Омск), — чехи и белогвардейцы встречали жестокий отпор.

Части Красной армии и Красной гвардии Сибири под командой Сергея Лазо в это время успешно боролись с бандами атамана Семенова, не раз выбрасывая их за пределы родины.*

Иркутск организовал рабочие массы и обезоружил два эшелона чехословаков. На помощь обезоруженным со станции Батарейной прибыли еще два эшелона, но после короткого боя и они сдали оружье.

Почти до конца августа Красная армия и Красная гвардия Восточной Сибири выдерживали натиск врагов революции и только когда на помощь атаману Семенову и чехословакам двинулись с востока японские части, — бойцы ушли в тайгу, чтобы начать партизанскую войну с интервентами и белогвардейцами.

Енисейская Красная армия и Красная гвардия до половины июня стойко защищали Красноярск от нападавших чехо-белогвардейских войск, нанося им большие потери.

Имея намерение освободить город Мариинск от чехословаков и белогвардейцев, военные части Красноярска встретились с преобладающими силами противника и понесли поражение. В этот же день (18 июня) скрывавшаяся в городе белогвардейская часть под командой Ушакова заняла город.

Не имея больше возможности сопротивляться, красноармей-

* В борьбе с бандами атамана Семенова принимали участие красногвардейцы Иркутска, Барнаула, Красноярска, Анжерки, Кемерово и др. городов.

цы и краспогвардейцы разошлись по селам, чтобы впоследствии собраться в грозные части под командование отважных руководителей партизанских отрядов П. Е. Щепинкина и А. Д. Кравченко для борьбы за власть Советов.

Стойкое сопротивление встретили чехи и белогвардейцы при занятии Омска, Барнаула и др. городов.

Трудящиеся Барнаула и руководители губернского Совета узнали о падении Новоиколаевска в тот же день и спешно стали готовиться к его освобождению.

Являясь губернским административным центром, Барнаул имел незначительную промышленность и малочисленный пролетариат. Чтобы освободить город Новоиколаевск, нужны были силы. Военно-революционный комитет спешно затребовал от Бийска, Семипалатинска, Змеиногорска и Камня выслать красногвардейские отряды в его распоряжение. Нужно было собрать разрозненные малочисленные силы Красной гвардии в один мощный кулак, чтобы нанести врагам сокрушительный удар.

Пока прибывали отряды из других городов, военно-революционный комитет отправил барнаульский отряд Красной гвардии и роту мадьяр в 200 бойцов для освобождения Новоиколаевска.

Губернский Совет выпустил обращение к солдатам-фронтовикам и крестьянам. В этом обращении говорилось:

...«Товарищи крестьяне и бывшие солдаты! Пусть не дрогнет мужицкая рука, надо встать под красное знамя свободы вместе с братьями рабочими, и с оружием в руках защищать свое гражданское право; надо дать отпор нашему общему вековечному врагу — буржуазии, контрреволюционерам, белой гвардии...

Мы надеемся, что вы откликнитесь на наш призыв, разогнете свои молчаливые крестьянские трудовые спины, дадите поддержку братьям-рабочим, которые встали, как один человек, по первому зову Совета, защищать нашу дорогую, завоеванную кровью, свободу...*

* Обращение приводится сокращенно.

Прибывавшие в Барнаул отряды из других городов спешно отправлялись под Новониколаевск.

Передовые части Красной гвардии дошли до села Бердска (35 км от города), восстановили там разогнанный кулаками и эсерами Совет и теперь рвались вперед на освобождение Новониколаевска.

Одновременно с Барнаулом военно-революционный комитет Омска бросил часть своей Красной гвардии под Новониколаевск, оттянув на себя все силы чехов и белогвардейцев.

В этот момент достаточно было одного решительного нажима, чтобы Новониколаевск вновь стал советским. Красногвардейцы рвались вперед, но командующий барнаульским фронтом, штаб-капитан инженерных войск Иванов воспротивился этому, и вместо продвижения вперед отвел красногвардейские части сначала к станции Евсино, а затем к Черепаново.

Это дало возможность чехам и белым получить подкрепление, отодвинуть на запад красногвардейцев Омска и перебраться на барнаульский фронт.

На станции Евсино они сосредоточили большие силы: «Первый офицерский полк», «Новониколаевский сборный отряд» (офицеры и добровольцы) и батальон чехов.

Красная гвардия смело встретила врагов, несмотря на то, что у них кроме пулеметов были орудия.*

Бой развернулся в жаркий полдень, но руководить было некому: командующий фронтом — предатель Иванов и его помощник Царицын при взрыве первого чешского снаряда со всем штабом укатили в тыл.*

Враг подвигался все ближе и ближе к Черепаново, усиливая огонь. Стало ясно, что противостоять хорошо вооруженному врагу нельзя. Рвавшиеся снаряды наводили панику на новиков.

Нужно было во что бы то ни стало задержать врага. По

* Бийчане тоже привезли с собой «орудия». Это были пушки екатерининских времен, которые после первых выстрелов разрывались и причиняли вред не столько противнику, сколько красногвардейцам.

предложению барнаульского рабочего-жестянщика был пущен в сторону Евсино паровоз на полном ходу.

Враги поздно заметили этот маневр Красной гвардии. Паровоз со страшной силой врезался в состав, на платформе которого было установлено орудие, смял платформу, исковеркал орудие, другие вагоны и, разворотив путь, упал набок.

Замешательство в рядах врага дало возможность Красной гвардии без урона отойти к Тальменке. Продвижение чехов было временно приостановлено.

В Тальменке Красная гвардия, заняв удобные позиции, шесть дней отражала наступление чехов и белых, не давая возможности переправиться через реку Чумыш.

В ночь на 9 июня белые решили обходным маневром ударить с тыла красных бойцов. Пользуясь темнотой, офицерский отряд спустился вниз по Чумышу и, переправившись через реку, зашел в тыл Красной гвардии и занял километрах в пятнадцати железнодорожную казарму.

В эту же ночь красногвардейцы, узнав о появлении врага в своем тылу, снялись с позиций и перед рассветом окружили казарму, занятую белыми. Путь до казармы был нелегким — пришлось идти болотами, кочкарником. Красногвардейцы часто теряли направление.

Усталые, измученные трудным переходом, бойцы залегли в кустах. Но отдыхать было некогда — с рассветом ударил условный выстрел и бойцы, как один, рванулись в атаку на казарму.

Белые жестоко сопротивлялись, осыпая красногвардейцев губительным огнем. В ожесточенной схватке противник был почти полностью уничтожен. От всего отряда белых осталось в живых только четыре офицера.

Нелегко дался этот бой Красной гвардии. Около сотни бойцов было убито и ранено, но тыл был снова очищен от врагов.

Сейчас нужно было спешно повернуть к Тальменке, на помощь роте мадьяр, оставленной охранять железнодорожный мост через реку Чумыш. Но на разезде не оказалось ни шаро-

воза, или вагонов. Командующий фронтом, штабс-капитан инженерных войск Иванов, еще до появления белых у казармы, укатил со своим штабом на ст. Алтайскую. По пути он предательски сжег все деревянные мосты, оставив в тяжелом положении весь отряд Красной гвардии.

Заволновались красногвардейцы, зашумели:

— Это предательство!

— Расстреливать надо таких командиров!

— Расстреливай, пооди! А он, наверно, уже погоны в кулаке держит, чтобы сразу же их нацепить, как только появятся свои... Сволочь!..

Возвращаться в Тальменку нельзя было: в тылу беспорядок, и в случае неудачи — даже к отступлению путь затруднен.

— Мы теперь — отрезанный ломоть, — говорили бойцы, — надо пробиваться к своим, к городу...

Тяжело было сознавать, что оставшаяся у Тальменки рота мадьяр находится в еще худшем положении — под непосредственным ударом врага. Но оказать им помощь не было никакой возможности.

Отряд двинулся на станцию Озерки, а затем — на Алтайскую.

Здесь, в глубоком тылу от фронта, расположился командующий Иванов со своим штабом. Возмущению красногвардейцев не было предела. Они требовали немедленного расстрела Иванова и его помощника Царицына. Младшим командирам с трудом удалось отговорить бойцов от самосуда. Изменников обезоружили и под конвоем отправили в Барнаул.

ГОРОД В ОПАСНОСТИ

Белые и чехи приближались к городу. Навстречу им были брошены почти все наличные силы Красной гвардии. В городе почти не осталось вооруженной силы.

Этим не преминула воспользоваться белогвардейская подпольная организация. Она стянула в Барнаул все имевшиеся в районе силы и в ночь с 10 на 11 июня подняла восстание.

В 2 часа ночи над сонным городом прогудел соборный колокол. И не успели еще смолкнуть первые певучие раскаты меди, как в окна и стены Совета ударил ружейный залп, за ним — второй, третий. Это белогвардейцы, скрывшиеся в зданиях гимназии и реального училища, обстреливали здание Совета, в котором находились руководители обороны гг. Цаплин, Присягин и небольшой отряд Красной гвардии.

Отряд мадяр и красногвардейцев, выжидаая, молчал. Каза-лось, что в большом здании Совета не было ни одной живой души, что люди, охранявшие его, услышав первые залпы, разбежались.

С наступлением рассвета белогвардейцы рассыпались в цепь и пошли атакой на Совет. Они не верили молчанию это-го дома и решили взять его приступом.

Но они не дошли еще и до середины площади, как застро-чили два пулемета, дружно рванули залпы винтовок.

Оставляя убитых и раненых на площади, белогвардейцы скрылись в свои убежища.

В это время второй отряд белых обезоружил стражу тюрь-мы, выпустил 20 офицеров, напал на лагерь военнопленных, обезоружил 50 красногвардейцев, захватил телеграф, почту и другие здания.

Звон колокола, частая дробь пулемета, беспорядочные вы-стрелы — разбудили город. Тревожные гудки заводов, железно-дорожных мастерских и паровозов рассказали населению об опасности.

Рабочие-железнодорожники, пимокаты, водники — все, кто имел на дому оружие, вышли на помощь Совету.

Встретив дружный отпор мадяр и рабочих, белые не пы-тались больше идти в открытую атаку на Совет. Они стали ожидать прибытия своих частей, чтобы совместными усилиями сломить упорство барнаульских рабочих.

... Солнце высоко поднялось над городом, когда суховский отряд, переправившись через Обь и ничего не зная о событиях ночи, вошел в город.

Отдаленная, разрозненная перестрелка засторижила бойцов.

— В чем дело? — спросил Сухов первого появившегося на улице рабочего.

— Говорят, ночью выступили белые, — ответил тот. — Может, уже и город заняли...

— А ты что ж стоишь? Или тебе белая власть милее?

— А с чем же я пойду?

— Надо найти «с чем»... — строго сказал Сухов.

Отряд двинулся в центр города... По пути, из переулков и улиц, к отряду Сухова присоединялись отдельные рабочие, вооруженные кто винтовкой с одним патроном, кто охотничьим ружьем. Но все они отважно шли, зная, что отряд свой, что с ним не страшны враги. Они помогли Сухову разобраться в лабиринте незнакомых улиц.

Подойдя к площади, Сухов раскинул в цепь своих бойцов и повел их на белогвардейскую «крепость». Одновременно с ним из Совета бросились в атаку красногвардейцы. Снова гулко и четко застрочили пулеметы, заухали охотничьи ружья.

Беспорядочно отстреливаясь, белогвардейцы оставили здания гимназии и реального училища и бросились бежать за город.

Одновременно с Суховым в город прибыла по железной дороге коммунистическая рота, вызванная т. Цапленным с фронта. Они очистили вокзал и вместе с железнодорожниками напали на почту, где находился штаб белых. К полудню весь город был очищен от белогвардейцев.

... Перед вечером в город вошел отряд Красной гвардии. Это были барнаульцы, семипалатинцы и бийчане, сражавшиеся под Тальменкой.

Станцию Алтайскую заняли чехи и белые. Над городом снова нависла опасность, но уже более серьезная, чем первая. На ст. Алтайской сосредоточились отряды: полковника Буткевича, капитана Николаева, капитана Степанова, поручика Лукина и батальон чехословаков.

Все эти отряды были хорошо вооружены. Кроме пулеметов белые располагали еще и артиллерией.

В отрядах Красной гвардии, собранных в Барнауле, насчиты-

тывалось до 2000 человек, но они не могли похвалиться вооружением. За две недели борьбы было израсходовано много боеприпасов. Пополнений и подкреплений ни откуда не поступало.

Отрезанные от других городов командование и бойцы были твердо убеждены, что белогвардейцы восстали только в Ново-николаевске и что другие города Сибири не только освободят его, но и помогут барнаульцам справиться с заседающим врагом.

Об этом же говорила случайно доставленная телеграмма из Омска:

«Держитесь, ждите подкрепления...»

Омск тогда был военно-административным центром Западной Сибири и телеграмма эта имела особенное значение.

В ожидании подкрепления из Омска, военно-революционный комитет деятельно готовился к защите города. Железнодорожные мастерские превратились в военный завод. Здесь день и ночь кипела работа: чинилось неисправное оружие, заряжались патроны, в стальную броню одевались паровозы, готовились бронированные площадки.

Белогвардейцы и чехи каждый день по нескольку раз пытались ворваться в город.

Четыре дня Красная гвардия успешно отбивалась от нападавшего врага. 14 июня белые решили захватить город с трех сторон. Для этого они перекинули отряды капитана Степанова и поручика Лукина на левый берег Оби, поставили перед ними задачу — напасть на город с юга. В то же время полковник Буткевич должен был подойти к городу с запада, а чешский батальон — наступать по линии железной дороги.

Эта операция не удалась. Капитан Степанов и поручик Лукин заблудились со своими отрядами и не попали в Барнаул ко времени. Красногвардейский бронепоезд в течение 3 часов громил наступавших чехов, а соединенный отряд из суховцев и каменцев заставил полковника Буткевича вновь переброситься за Обь со своими частями.

Так закончился день 14 июня.

Вечером в городе стало известно о значительных силах противника, появившихся с юга, которые угрожали перерезать линию железной дороги на Семипалатинск, закрыть выход из города.

Враги окружали город. Они превосходили отряды Красной гвардии и по численности и по вооружению. Задерживаться в городе больше нельзя было. Надо было сохранить людей для дальнейшей борьбы. Ночью военно-революционный комитет отдал приказ эвакуироваться в сторону Семипалатинска.

Вся ночь прошла в лихорадочной работе по погрузке продуктов и военного снаряжения. Только на рассвете 3 эшелона красногвардейцев тронулись в путь.

За эту ночь белогвардейские отряды капитана Степанова и шоручика Луккина вышли к самому городу и залегли у кирпичных сараев. Заметив отступающие эшелоны Красной гвардии, белые бросились в атаку.

Отряд мадьяр под командой товарищей О. Гросс и Р. Гецц принял бой на себя. Обеспечив отход Красной гвардии, сам отряд почти весь погиб.

В этот же день город заняли белые. Началась кровавая расправа с рабочими.

В ОКРУЖЕНИИ ВРАГОВ

Покинув Барнаул, эшелоны Красной гвардии двигались на юг. Штаб решил пройти железной дорогой до Семипалатинска и оттуда, на пароходах, в Омск, на соединение с главными силами Красной гвардии.

Все были уверены, что Омск еще не пал, что он, как военно-административный центр Западной Сибири, не только выдержит натиск чехов и белогвардейцев, но и разгромит их.*

* Между тем Омск находился уже в руках белогвардейцев. После неудачного боя на ст. Мариановка Омский военно-революционный штаб принял решение об отходе из города. Со стороны Челябинска подходили новые вражеские эшелоны — окружали город. 7 июня Омский Совет и Красная гвардия оставили город.

Не доезжая до ст. Алейской, штаб Красной гвардии выяснил, что Семипалатинск заняли белые и что оттуда на Барнаул идет отряд казаков и офицеров.

На Алейской эшелоны остановились. С разведывательной целью один эшелон был отправлен в сторону Рубцовки.

На станции Шишуново посланные красногвардейцы встретились с отрядом белых и стремительным ударом выбили их. Ожидая контратаки, бойцы провели в Шишуново всю ночь и только на следующий день вернулись на Алейскую.

Теперь не только перед штабом, но и перед каждым бойцом встали прозные вопросы: куда идти? что делать?..

Здесь же, у эшелонов, открыли митинг.

Поднявшись на насыпь, чтобы можно было видеть тысячную массу бойцов, председатель Алтайского губернского исполкома Советов т. Цаплин сказал:

— В некоторых городах Сибири белогвардейцам, с помощью чехов, удалось захватить власть в свои руки. За Новониколаевском пал Камень. Вчера мы должны были оставить Барнаул. Вы знаете, что дальше нам невозможно было держаться в городе. Мы решили идти на Омск, на соединение с главными силами советских войск. Но сегодня мы узнали, что пал Семипалатинск. Навстречу нам вышли белые, и сейчас они находятся в Поспелихе и Рубцовке. Мы — в окружении врагов. Что делать? Надо здраво решить этот важный вопрос. Я слышу, некоторые говорят: надо разойтись по домам. Это, товарищи, не выход. Нас переловят, и — будьте уверены — милости у белогвардейцев мы не найдем. Если же останемся единой организованной силой — нас нелегко будет взять, мы пробьемся к Омску, к своим советским частям и общими силами разобьем врага...

Не успел Цаплин закончить свое слово, как красногвардейская масса разногласно зашумела. Промадное большинство красногвардейцев не хотело сдаваться на милость врага.

— Это все равно, что идти на верную гибель... — говорили они. — Нет, уж пусть беляки попробуют взять нас в бою...

и на пароходах двинулись вниз по Иртышу. Барнаульский военно-революционный комитет этого не знал, т. к. всякая связь с Омском была прервана.

— Даром мы им своей жизни не отдадим!

И только немногие малодушно складывали оружие и предлагали разойтись по своим городам и селам.

— Кто меня тронет, ежели я никому ничего худого?.. — спрашивали они, подбирая себе единомышленников.

Волнение возрастало. В шуме и выкриках трудно было разобраться. Наконец, когда шум на минуту затих, рядом с Цапленным встал белокурый, заросший кудрявой бородой, фронтовик. Кажется, он только вчера вернулся в родные места и не успел еще износить своей солдатской одежды. Сорвав шапку с кудрявой головы, он энергично махнул ею, словно собирался бросить на землю.

— А ну, давайте, потише! — он должно быть так же обращался к своим товарищам по окнам в дни Февральской революции — очень уж просто и естественно вышло у него это обращение. — Галдежом мы ни до чего не договоримся... Нам сказано: враги кругом... Надо винтовки да подсумки проверить, а не галдеть зря. Надо командиров выбрать, и чтоб крешкая дисциплина была в отряде. А то какие же мы вояки — один в лес, другой по дрова...

— На старый режим хочешь повернуть! — пронзительным голосом язвит кто-то из толпы. — Тебе «чести» захотелось...

— Не «чести», дурья твоя голова, а порядка хочу, — уже с волнением выкрикнул фронтовик, — не будет строгого порядка — и никакого отряда из нас не получится... А расходиться нам — не резон. Мы все теперь мечены — всякий кулак деревенский потянет нас за шиворот на расправу к белым гадам... Давайте скорее говорить о деле...

Он надел шапку и спокойно спустился с насыпи.

Крикуны молчали.

На место фронтовика поднялся Сухов. Он минуту пристально вглядывался в лица бойцов, словно искал среди них противников, потом быстро, привычным движением левой руки поправил спадавшие на лоб волосы и сказал:

— Некоторые товарищи по неосознанности или по трусости предлагают нам разойтись по домам, предлагают нам стать предателями того великого дела, за которое уже немало пролито

рабочей и крестьянской крови. Нет, мы, шахтеры, на это не пойдем... Мы не желаем искать милости у врага и предлагаем немедленно избрать командиров и идти на Омск...

Точно первый камень положил Сухов в фундамент здания. Бойцы выступали поочередно и не было уже того разногласного шума, который возник вначале.

Только когда было предложено выбрать штаб, снова поднялся шум. Теперь каждый отряд хотел иметь своего командира членом штаба. Но шумели недолго. Все командиры были хорошо известны красногвардейцам по боевой работе, и в штаб избрали четырех человек. По предложению товарища Цаплина командующим всеми вооруженными силами Алтайской губернии был избран Петр Федорович Сухов, а начальником штаба — Дмитрий Григорьевич Сулим. Эту нелегкую обязанность П. Сухов принял как большевик, не боясь тех трудностей, которые неизбежны в борьбе с врагами революции.

Перед вновь избранным штабом стояла боевая задача: учесть свои силы, реорганизовать отряд, избрать командиров для каждого отдельного звена. Учесть силы было важно еще и потому, что часть бойцов решила остаться и сдать оружие. Многие из них впоследствии были переловлены кулаками в деревнях и отданы на расправу озверевшим бандам белых.

Весь отряд Сухова был разбит на четыре отдельных отряда. Командиром 1-го Барнаульского отряда был избран т. И. Долгих, 2-го железнодорожного — т. Пьянников, 3-го коммунистического — т. Бойнов и 4-го интернационального — мадьяр т. Побожный.

В полдень красногвардейский отряд покинул станцию Алейскую и на подводах пошел в далекий и трудный путь — на Омск.

ДЕСЯТИДНЕВНАЯ СТОЯНКА

Весь путь от Алейской до села Мостового отряд Сухова прошел спокойно. Разведка, идущая далеко впереди и по сторонам, ничего опасного не сообщала, и тревоги последних дней, как заживающие раны, переставали беспокоить. Бойцы время от времени затягивали песню, скрашивая свой нелегкий путь.

Население радушно встречало бойцов. Сельская беднота бесплатно выпекала для отряда хлеб, готовила пищу, добровольно шла проводниками до следующего села.

Сухов в каждом селе проводил митинги, разъясняя населению сущность происходящих событий и призывал бороться за советскую власть.

— Только советская власть, — говорил он, — является для трудового крестьянства родной властью... Всякая другая — повернет на старую дорогу, к проклятому старому режиму...

В трех селах — Серебрянниковском, Боровском и Савинском — Сухов организовал большевистские ячейки из бывших фронтовиков.

— Если в Сибири белые возьмут сейчас власть в свои руки — это ненадолго. Ведите работу подпольно... — говорил он молодым большевикам. — Мы скоро вернемся... Советская власть не может погибнуть...

... В знойный полдень отряд Красной гвардии подошел к селу Мостовому. Впереди отряда ехали верхами Сухов и Сулим. Село стояло на перешейке двух больших озер. На севере озера соединялись, и въезд в село был возможен только с южной стороны. Озеро к западу от села было горькосоленное, абсолютно чистое, с зеленой водой и белыми от соли берегами; озеро с востока — более пресное, его берега заросли высокими густыми камышами.

— Это не село, а природная крепость, — заметил Сулим, оглядывая окрестность. — В самом деле, если бы не вот эта полоса, по которой мы едем, — к селу и подойти нельзя...

— Я не желал бы быть запертым в такой «крепости», — отозвался Сухов. — Ведь вы смотрите: если этот выход закрыть, то и вылезти из села некуда... Довольно паршивая, доложу вам, «крепость»... Придется дозоры держать на большом расстоянии от села...

Среди села, на возвышенной площади, как хищник на кургане, стояла потемневшая от времени деревянная мрачная церковь; разбросанные по перешейку избы казались перепуганными цыплятами, жизнь которых всецело зависела от этого хищника.

Рядом с церковью, в отдалении от мужицких изб, под зеленым колпаком железной крыши, стоял большой поповский дом.

С бодрыми песнями отряд вошел в село. Вооруженных, неизвестных людей село встретило настороженно. Но это продолжалось недолго. Первые начали знакомиться с бойцами ребята. Они шныряли между подводами, подсаживались на телеги и наперебой рассказывали свои деревенские новости.

Отряд расположился на площади, и бойцы сейчас же бросились купаться в соленое озеро, смывать с себя дорожную пыль.

Единственным обиженным человеком в селе был поп: в его доме разместился штаб, а на колокольню был поставлен наблюдатель. Поп заявил «категорический протест» против наблюдателя на колокольне.

— Знаете, все-таки храм божий, а вы туда с оружием лезете, — говорил он обиженным тоном.

— Не беспокойтесь, отец, — ответил Сухов, — ни один боец отряда в ваш храм не полезет, а уж колокольню, извиняюсь, мы используем...

Поп похмыкал носом и ушел ни с чем.

Вечером площадь гремела песнями бойцов, смехом, веселыми перебивками гармоник. Вместе с отрядом веселилась и деревенская молодежь. Покой села охраняли далеко выставленные раз'езды.

ОТРЯД ТРУСОВА

На третий день мирная жизнь отряда была нарушена: дозоры донесли, что со стороны Завьялова идет неизвестный отряд в 200—300 человек.

Заволновались, зашумели бойцы, собираясь достойно встретить врага.

Но не успел еще Сухов двинуть часть своего отряда за село, как оттуда прискакал верховой...

— Где у вас командир? — спросил он у первого встречного красногвардейца.

Прискакавший был в попошенной военной гимнастерке, на лошади сидел, как добрый кавалерист, но ни винтовки, ни сагана у него не было.

— А тебе какого командира надо? — спросил суховец.

— Какого, какого? — передразнил его приезжий. — У нас один командир — Сухова мне надо...

Не дождавшись ответа, он стегнул лошадь и поскакал к церкви.

Отыскав Сухова, верховой докладывал:

— Семипалатинский отряд Красной гвардии под командой т. Трусова идет к вам на соединение.

Сухов отправил с вестовым трех своих бойцов.

А через час над площадью стоял нестройный веселый гул — суховцы встречали семипалатинский отряд, как старых знакомых.

В штабе, за столом, против Сухова и Сулима, сидел командир прибывшего отряда — Трусов. Он был молод, горяч и чем-то напоминал матросов 17 года. На поясе, с левой стороны, у него висела бутылочная бомба, точно фляжка для воды, а с правой — увесистый наган.

Часто поправляя левой рукой спадавшие на лоб светлые волосы и чертя ногтем на клеенке стола, он рассказывал о последнем пути своего отряда.

Его отряд был организован в Семипалатинске еще в тот момент, когда были получены первые вести о захвате белыми и чехами Новониколаевска. Отряд был переброшен в Барнаул, сражался с белыми и чехами под Чершаново, Тальменкой, после отступления к Барнаулу и, не дожидаясь общего решения об эвакуации, самостоятельно направился к себе на родину. Космолинскими борами он прошел до Больших Бутырок (Мамоново) и здесь задержался. Многие бойцы на этом беспредельном пути разбежались, и сейчас отряд насчитывал в своих рядах около 200 человек.

Сухов, внимательно слушавший этот рассказ, вдруг спросил:

— Что же помешало вам идти в Семипалатинск?

— Мы получили сведения, что казаки и офицеры захватили город. Зачем же нам лезть на рожон? Да и оружием мы не богаты...

— А где ваше оружие?

— Растащили, — наивно ответил Трусов. — Как кончились бои, так все и выпряглись — никакой дисциплины! Кто идет из

отряда — тот и оружие за собой тащит... Был один пулемет и тот кто-то увез...

— Ты же коммунист? — неожиданно спросил Сухов.

— Нет... — Я анархо-синдикалист...

Сухов рассмеялся:

— Вот она «анархия — мать порядка» и довела вас до «порядочков»... Эх вы... вояки!.. Пулемет-то мы ваш подобрали по пути, возьмем и вас с собой, только одно непременное условие: никакой анархии, твердая дисциплина. Без этого будет не отряд, а банда... Мы оставим вас отдельным отрядом, но вы беспрекословно будете выполнять задания штаба...

Не принять этих условий Трусов не мог, потому что чувствовал, как вокруг спущаются тучи, и ему с маленьким отрядом не выдержать напора врага.

— Мы бы не пошли к вам на соединение, если бы хотели сохранить свою самостоятельность... — заявил он, — серьезность положения заставила подумать о многом и меня и моих бойцов...

На площади у телег бойцы, как одна семья, готовили себе обед.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Отряд Сухова был готов идти дальше, но проходил день за днем, а он все стоял в Мостовом, словно бы командование решило дать здесь генеральное сражение белым.

Сухов намеренно задерживал отряд. Он ждал вестей от главной разведки.

Еще в Алейской на совещании партийной группы было решено отправить в Омск руководителей губернии: Цаплина, Присягина и Казакова. Нужно было предупредить Омский военно-революционный штаб о движении тысячного отряда Красной гвардии и необходимости разработки общего плана борьбы.

Ни один из посланных товарищей не возвращался.*

* Только в пути на Омск, проходя через с. Панкрушиху, отряд Сухова узнал, что гг. Цаплин, Присягин и Казаков были арестованы кулачеством и отправлены в г. Камень. Их возили как заложников в Новониколаевск, снова вернули в Камень и наконец отправили в Барнаул, где они в сентябре были расстреляны.

Не было вестей и от второй группы товарищей Попова и других, посланных в Славгород, а также в сторону Камня и главной Сибирской магистрали.*

Вместо ожидаемых добрых вестей пришли иные.

Разведывательный отряд суховцев, выполняя задание, наткнулся в селе Глубоком на сильный отряд белых.

Белые не ожидали нападения и спокойно разгуливали по селу. Стремительный налет отряда Красной гвардии заставил их в беспорядке покинуть село...

— У нас потерь не было, — докладывал штабу боец, вернувшийся из Глубокого, — а их пощелкали... Двух офицеров загнали в озеро. Мы их хотели взять живыми — не дались, застрелились...

Эта легкая победа не радовала Сухова. Появление белых означало, что стоянка его отряда обнаружена, что враг возможно уже стягивает силы, чтобы запереть отряд красногвардейцев в этой «природной крепости» — в Мостовом.

Не прошло и двух дней, как та же разведка донесла, что в селе Линьках стоит большой отряд белых.

Начинать сейчас поход на Омск было невозможно — враг не опешает, он будет идти по пятам и выжидать удачный момент, чтобы напасть.

Нужно было во что бы то ни стало очистить себе путь, освободиться от преследования.

Сухов взял часть своего отряда и, не задерживаясь, отправился в Линьки.

Белые, заняв Линьки, хорошо обосновались в селе. С юга и запада к Линькам подходит безлесная равнина, и только с северо-восточной стороны село прикрывает небольшая березовая роща. Белые учли все это, и против рощи, на мельнице и у одной крайней избы, выставили пулеметы.

На рассвете Сухов подтянул свои силы к селу со стороны рощи. Белые заметили на опушке отряд Красной гвардии и от-

* Тов. Попов был задержан в Славгороде. Часть разведчиков-коммунистов погибла.

крыли пулеметный огонь. Все попытки проникнуть в село не привели ни к чему. Белые не жалели патронов и осыпали рощу свинцом.

Так продолжалось до полудня.

К этому времени Сухов перегруппировал свои силы: оставив небольшую часть для лобовой атаки в роще, он повел наступление с обоих флангов. Пулеметный огонь белых здесь не достигал цели. Они увидели это и сами, но быстро перебросить пулеметы не могли и, как только передовые цепи красногвардейцев ворвались в село, белые не выдержали натиска и бросились в беспорядочное бегство.

В этом бою суховский отряд потерял трех красногвардейцев, которых после отвезли в Мостовое и там похоронили. Потери белых были гораздо значительнее.

Возвратившись из Линьков, Сухов отдал приказ: всему отряду приготовиться в путь.

Чтобы обезопасить поход, он отправил в сторону села Баево разведку в 80 бойцов.

В этот день в Баево, по примеру прошлых лет, была открыта ярмарка.

Священник отслужил молебен, взвился на древке флаг, и купцы, спекулянты открыли свои лавочки, встречая друг друга традиционным приветствием:

— С прибылью торговать...

Они вытаскивали на продажу все свое «добро», которое тщательно прятали при советской власти. На прилавках дощатых магазинов появились не только спички, мыло, сахар, но и заманчивая цветистая мануфактура.

Народу на ярмарку съехалось много и бойкий торг начался.

В это время со стороны Камня вошел в село отряд белогвардейцев в 120 человек, а со стороны Мостового — разведчики Сухова.

Противники встретились почти в самом центре села и немедленно открыли стрельбу.

На ярмарочной площади началась суматоха. Купцы и спекулянты таскали свои товары, многие побросали лавки и «спасали свои животы».

Бой длился недолго. Белые не выдержали напора Красной гвардии и начали отступать за село.

Во время перестрелки под командиром белых пала лошадь. Он поймал молодого парня с подводой, вскочил на телегу и, угрожая нагапом, приказал:

— Гони!..

Парень испугался, лошадью не может управлять. Никакие угрозы не действуют, лошаденка еле-еле перебирает ногами. А суховцы наступают... Поручик соскочил с телеги и побегал за село. Преследовавший его красногвардеец приостановил лошадь и послал вдогонку меткую пулю. Офицер упал.

Вырвавшись за село, белые поспешно удировали по знакомой дороге, к Камню. В Баево они потеряли пять рядовых и своего командира. Среди красногвардейцев не было ни убитых, ни раненых...

Теперь путь отряда был свободен для дальнейшего продвижения к Омску.

ТЯЖЕЛЫЕ ИЗВЕСТИЯ

По бескрайней степной равнине отряд Сухова спокойно шел к главной железнодорожной магистрали. Белые больше не нападали, казалось, они потеряли след отряда.

Далеко позади остались: Мостовое, Нижняя Чуманка, Вершинка, Панкрусиха, Бакри, Карасук. Впереди было небольшое село Травное. Здесь отряд предполагал заночевать.

Полдневный зной стихал. Бойцы торопили подводчиков, чтобы засветло попасть в село.

Легко покачиваясь в седле, Сулим подсчитывал дни походной жизни.

— Сегодня — месяц, как мы покинули Барнаул. За это время мы имели всего три схватки с беляками...

— Ты, что ж, о них соскучился? — улыбаясь, спросил Сухов.

— Да нет. Я желал бы их совсем не видеть... — отозвался Сулим. — Странным кажется то, что они оставили нас в покое... Может быть, ловушку для нас готовят?..

— Пусть готовят... — Сухов достал карту из полевой сумки и спичкой вымерял расстояние от Травного до Каинска. — Нам остается пройти шемного больше ста верст до железной дороги; через два дня мы будем среди своих... Никакие ловушки им не помогут...

Перед вечером отряд Сухова вошел в село Травное. Вызванный в штаб староста неожиданно сообщил:

— Омск забрали чехи и белые... Все города теперь и железная дорога заняты ими... Наш мужик в Каинске ездил, газету оттуда привез... Так что вам идти туда небезопасно.

Сухов не поверил старосте и приказал принести газету.

— Если это в самом деле так, — говорил он Сулиму и Трусову, — то все наши планы и надежды на скорое соединение с Красной гвардией Омска — рухнули... Надо будет сегодня же решить вопрос о дальнейшем пути отряда...

Скоро староста пришел с потрепанным номером газеты «Народная Сибирь».

На второй полосе, под крупным заголовком было напечатано: «7 июня отрядом капитана Иванова-Ринова, совместно с чехословацкими войсками занят город Омск. Советская власть бежала на пароходах вниз по Иртышу».

Вся линия железной дороги, вплоть до Челябинска, а также вся территория Западной Сибири — в руках временного правительства Сибири»...

Несколько раз Сухов прочел это тяжелое известие, словно не веря тому, что напечатано. Он сидел неподвижно, как придавленный, перед раскрытой газетой и, сжав зубы, терпеливо вчитывался в статейки вражеской газеты.

Сулим через плечо Сухова молча читал хвастливые телеграммы о победах белых и по раскрытой на столе карте чертил карандашом линию фронта. Она проходила уже не возле Омска, а далеко за Ишимом.

Закрывшись в комнате, штаб долго обсуждал создавшееся положение. Уже в сумерки Сухов приказал созвать всех бойцов на военное совещание.

Он выступил первым перед собравшимися красногвардейцами:

— Командованию отряда незачем и не для чего скрывать то

положение, в каком мы оказались, желая пробраться к Омску, на соединение с Красной гвардией. Разведка, высланная нами из Алейской и Мостового, наверно, погибла. Теперь мы получили известие, что Омск — пал. Мы сейчас в кольце врагов: справа — главная сибирская магистраль, занятая чехами и белогвардейцами, слева — линия железной дороги на Славгород, по которой враги быстро могут перебросить свои силы, а впереди — озеро Чаны. Итти дальше — значит итти на верную гибель. Мы предлагаем изменить наш путь и итти к югу, в горы Алтая, а там, через границу Монголии, — на соединение с Красной армией Туркестана...

Тревожный гул прошел по рядам бойцов. Как и на Алейской, раздались несколько голосов за то, чтобы разойтись, кому куда хочется.

— Теперь нас никто не преследует и мы спокойно дойдем до своих мест...

Этого же мнения держался и анархистствующий Трусов.

Коммунисты вышли вперед. Они в один голос заявили бойцам:

— Здесь голимая степь. Если мы разойдемся, нас переловят, как цыплят... Нельзя распыляться отряду, надо перебираться к лесам, а там нас шелегко будет взять врагам...

Поздно вечером закончилось совещание. Но бойцы еще долго обсуждали принятое решение.

Утром отряд Сухова покинул Травное и через Карасук, Хабары, Кулундинской степью пошел к линии Алтайской железной дороги.

В КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ

I

Разлилась, распласталась неоглядная Кулундинская равнина, точно море — ни конца ей, ни края.

И когда в полуденном зное заиграют от солнца серебристые волны далеких миражей, кажется, что это не степь, а из недр земли выплеснулось древнее море, некогда занимавшее эти просторы...

Глухая знойная тишина опустилась на землю. И птицы, и звери притихли в поблекшей от жары траве. Не слышно ручьи-стого пения жаворонков. Только несмолкаемый треск кузнечиков шарушает тоскливый покой сгорающей под солнцем Кулунды.

Но вот в тишину истомленной степи врывается вихрь. Он, как смерч на море, поднимает столбы горячей пыли, долго крутит их над равниной и, ослабев, бросает на сожженные травы.

И опять — палящее солнце, тишина и в ослепительной миражевой дали встают и, качаясь, уходят в безбрежность какие-то древние чудовища на тонких ногах; они возникают незаметно и так же незаметно исчезают.

Горька и безотраднa судьба твоя, Кулушда, когда ты сгораешь под лучами июльского солнца!..

Как одинокий парусник в море, шел по Кулундинской степи красногвардейский отряд Петра Сухова.

Утомленный длительными переходами, усталый от едкой пыли и знойного страшного покоя Кулунды, отряд с боями продвигался вперед.

Намеченная цель — пересечь степи, горы Алтая и через Монголию соединиться с красным Туркестаном — была далека. Но она не пугала ни командиров, ни бойцов. Все слабые и неустойчивые отсеялись за длинный тысячекилометровый путь, пройденный отрядом от Кольчугино до Барнаула, а затем Славгородскими степями, томительной Кулундой. Впереди лежали новые тысячи километров тяжелого пути, но они никого не пугали, никто не хотел сдаваться на милость врага. Вера в свои силы придавала бодрость бойцам и они спокойно шли степной равниной по намеченному пути.

Появление отряда Петра Сухова почти под самым Славгородом встревожило местную буржуазию и белогвардейцев, хозяйничавших в городе. Еще и двух недель не прошло, как они стали у власти — и вот — на тебе! Отряд красных под самым городом!..

Не только купчики, но и многие обыватели, у которых «рыльце было в пуху», затрепетали от страха:

— А вдруг красные опять возьмут город?..

Страх брал за горло. Слухи росли и множились. Их привози-

ли с собой «беженцы» — деревенские лавочники, пошты, чиновники — из тех мест, по которым проходил отряд Красной гвардии. Они бежали от красных, как от огня, со своими чадами и домашними, бросая все пожитки и внося еще большую тревогу в перепуганный народ.

«Отцы» города слезно умоляли местное войнство «постоять за родной город», и белогвардейцы под командой молодого офицера, храбрясь и потрясая оружием, бросились в степь преследовать отряд Красной гвардии.

Ничего не зная о готовящемся нападении славгородских белогвардейцев, отряд Сухова переночевал в нижней Суетке и в полдень вошел в Шемалино.

Высоко поднявшееся солнце нестерпимо жгло. Жара томила убойцов. Уставшие лошади сбавили шаг, и Сухов распорядился сделать короткую передышку.

Разведка под командой Никольского ушла далеко вперед и ни о какой опасности не сообщала.

Бойцы вымылись, освежились у колодцев, подводчики направили лошадей и отряд снова тронулся в путь, рассчитывая к ночи добраться до села Бархатный Кучук.

Но не успели красногвардейцы пройти и трех километров от села, как на дороге, поднимая тучи пыли, появился отряд славгородских белогвардейцев.

На грузовых автомобилях и подводах они быстро приближались к отряду Сухова, словно хотели неожиданностью своего появления нанести панику, смять и уничтожить эту неустранимую группу красных, свободно продвигавшихся по какому-то своему неизвестному маршруту.

Но красногвардейцы не растерялись. Они быстро соскочили с подвод и по команде Сухова залегли в цепь. Подводчики торопливо уводили лошадей в сторону, чтобы не оказаться под обстрелом.

Не замедляя движения, белая банда мчалась на приближих к земле суховцев. Они были уже близко, нетерпение бойцов возрастало, а Сухов стоял молча, вглядываясь в противника, словно хотел уцелить его силы.

Наконец, когда белые начали соскакивать с машин и бричек, в самую суматоху ударил первый залп красногвардейцев, а за ним тотчас же заработали все четыре пулемета Сухова.

Под четким и дружным огнем Красной гвардии белая команда трудно было построить свои ряды. Первые потери внесли еще большую путаницу.

Никакого прикryтия на этой равнине найти было невозможно и солдаты белых, не слушая команды, падали в траву, кому где вздумается, беспорядочно стреляли, мешали друг другу. По перебегавшим врагам суховцы били дружно и меткими выстрелами наносили большой урон.

Выставленные белыми два пулемета быстро замолчали. Это окончательно убило в них всякие надежды на разгром отряда Красной гвардии. Теряя убитых и раненых, они бросились к селу. Даже отстреливаться некогда было. Красногвардейцы на выбор брали на мушку убегающих «храбрых» вояк, но преследовать их не стали.

В этом коротком бою под Шемалино Сухов потерял пять бойцов. Несколько человек было ранено. Похоронив убитых и устроив раненых на подводы, отряд, прикрываясь разведкой, пошел на Родино.

II

Правительственные телеграммы:

Барнаул — Правительственные и чехословацкие отряды продолжают преследование большевистских сил, преимущественно мадьяр, в районе деревень Гонохово—Чумашской со стороны Камня, и Знаменки—Шемалино—со стороны Славгорода.

(Сообщение штаба Зап-Сибирской отдельной армии).*

III

За большим столом, покрытым поверх скатерти картой губернии, склонилось трое военных: два русских офицера и один чешский.

* «Народная Сибирь» за 3 июля 1918 г.

Окна комнаты плотно закрыты на ставни, задернуты завесами, хотя в этом районе никаких большевистских отрядов не было, но и у дома, и на всех дорогах, ведущих в село, стояли часовые.

В деревне, как и в доме местного богатея-лавочника, было тихо, словно все население разбежалось.

В этой спокойной обстановке командиры двух отрядов — белогвардейского и чешского — решали судьбу красногвардейского отряда Петра Сухова, уже второй месяц ходившего по Славгородской и Кудундинской степям. Суховцы были не то что неуловимы — красногвардейцы никогда не уходили от боя, — но нанести им поражение не удавалось ни славгородским, ни каменским белогвардейцам. Станным казалось для господ офицеров то обстоятельство, что красногвардейцы, «нанеся ущерб» белым частям, не преследовали их, а продолжали свой путь.

Какие замыслы были у красногвардейского командования — никому не было известно. Ясно было одно: противник двигался на юг, к линии Алтайской железной дороги.

Это совещание руководителей белогвардейского и чешского отрядов должно было выработать план не только разгрома, но и окончательного уничтожения красногвардейского отряда.

Борьба белогвардейцев против суховского отряда в одиночку приносила им только потери. Об этом хорошо знает командир славгородского отряда, в котором объединены сейчас не только офицеры и добровольцы, но и хорошо вооруженные чехи. Бой под Шемалино показал, что красные не только отлично дисциплинированы, но и умеют вести военные действия.

О плачевных результатах этого боя знает полковник каменского отряда и уже второй раз упрекает молодого штабс-капитана за неумение вести бой.

— И меня поражает все-таки ваш неуспех под Шемалино, — мягко говорит он, отклоняясь от карты и поправляя золотое пенсне на толстом носу. — Значит, вы что-то не учли... Молодость, конечно, неопытность...

И он снисходительно улыбается, как учитель ошибкам ученика.

Чешский офицер не участвовал в бою под Шемалино, но он

принимает упрек на себя и загорается озлоблением против этого толстого полковника с коротко-остриженной головой.

— Господин полковник, за столом хорошо рассудить, — говорит он, неправильно расставляя ударения в словах, — надо встречаться противник, тогда говорить...

— Ну противник не бог знает какой, — улыбается полковник, как бы говоря своей улыбкой: «Эх, молодежь, молодежь, мало вы видали видтов», — командует этим сбродом, повидимому, какой-нибудь фельдфебелишка — вот и весь ваш «противник»...

Щеголеватому штабс-капитану не хочется раздражать «брата» чеха, и он примиряюще говорит:

— Конечно, проигрышами не хвалятся. Но я уверяю вас, полковник, что красные не такой уж сброд, как вы думаете...

Полковник решает не залезать дальше в дебри споров и оставляет без ответа замечание штабс-капитана.

— К делу, господа. Мы отвлекаемся... Итак, «совещание в Филях» продолжается, — говорит он и снова склоняется над картой.

Два карандаша — полковника и штабс-капитана — ползут по карте от точек, где стоят их отряды, и встречаются возле тонкой бисерной надписи: „*Вознесенское*“

— Здесь должно произойти соединение наших отрядов, — говорит полковник, — расстояние, примерно, одинаковое...

Чех ниже склоняет голову и на глаз прикидывает то, о чем говорит полковник.

— Но притти одновременно к намеченной точке, — продолжает полковник, — одно дело, а зайти навстречу противнику — другое дело... Я беру на себя эту задачу...

И ему уже ясно представляется, как противник, оказавшись в кольце, будет окончательно уничтожен. Неизвестным оставался только рельеф местности, и тут полковник вспомнил о хозяине дома.

— Поди-ка сюда, любезный, — крикнул полковник в дверь соседней комнаты.

Низкорослый, широкоплечий хозяин, казалось, не вошел, а вкатился в комнату и, расправляя свою широкую седеющую бороду, остановился возле стола.

— Расскажи-ка нам, что ты знаешь о селе Вознесенском?

Хозяин облегченно вздохнул и этот вздох его означал: «Ах, вы вон о чем... А я думал бог знает что!..»

Он рассказал, какое большое село Вознесенское, помянул даже ю ярмарке, которая прежде бывала ежегодно, и какие там люди живут...

— Примут вас, как родных...

Штабс-капитан вскипел:

— Уж не думаешь ли ты, что мы едем туда для прогулки, шапками да ватрушками полакомиться... Ты нам о местности расскажи...

— Местность, она что же... — виновато заерзал хозяин, — она тут везде одинаковая. Кулунда — она и есть Кулунда, степь кругом... Што касасемо Лубягино — мы допрежь Вознесенку все так звали — то она в овраге стоит...

— В овраге? — встрепенулся полковник. — И большой овраг?

Хозяин долго объяснял придирчивым гостям не только расположение села, но и те пути, которые ведут в Вознесенку. Его путанные объяснения все-таки, в конце концов, создали приблизительную картину, и офицеры отпустили хозяина.

— Через часик приготовьте ужин, — приказал штабс-капитан хозяину, и все трое снова склонились над картой.

Глубокой ночью они покинули село, где только что приняли важное решение об уничтожении ненавистного им красногвардейского отряда.

IV

...Вечерело. Багровое солнце опускалось за далеким пламенеющим горизонтом. Жар стихал, но недвижный воздух был сух, наполнен запахами сожженных трав и горячим дыханием земли.

В этот вечерний час отряд Петра Сухова втянулся на сотне подвод в большое и до странности тихое село Родню.

Веселый говор бойцов, звон кованых бричек и скрип телег, казалось, совсем не привлекали ничего внимания. Большая улица, по которой проходил отряд к площади, была пустынна; только изредка попадались сидевшие на завалинках молчаливые старич-

ки с палочками в руках. Они пугливо глядели на проходивших мимо вооруженных людей. Никогда в их селе еще не было такого...

— Прячутся, — переговаривались бойцы между собою. — Боятся...

Но еще не успел погаснуть закат, как на площади вокруг расположившегося отряда собралось все село — от малого до стариков.

Пропыленный за дальнюю дорогу, весь какой-то пепельно-серый, только черные глаза блестят, Сухов поднялся на крайнюю телегу.

— Товарищи крестьяне! — он снял запыленную солдатскую фуражку и тогда всем стало ясно, что непокорные волосы были черны, как смоль. Он провел рукой по худому лицу, на котором, как два черные крыла, срослись густые брови и, ощутив колючими глазами собравшихся, спросил: — Почему вы попрятались, когда отряд вошел в село? От кого вы прячетесь, товарищи крестьяне?

И когда Сухов на мгновение смолк, среди гула голосов послышался звонкий женский выкрик:

— Та хибя ж мы прячемось? Господь в вами!... Вы таки ж люди, як и мы...

— Так отчего же вы все-таки попрятались? — допытывался Сухов. — Мы вошли в ваше село, как в мертвое... Бойцы и командиры могут заверить вас, что ни в одном селе, — а мы прошили их много, — нас не встречали так, как вы... Чем это объяснить?..

И тогда из толпы, почти к ногам Сухова, подошел плотный мужчина в сером поношенном пиджаке.

— Я староста, — сказал он.

Вместе со старостой придвинулась ближе толпа и затаила дыхание.

— Тут, товарищи красные гвардейцы, — начал староста, — нам об вас всякой всячины на сказано. И грабите вы, и женщин насильничаете, и детей убиваете, а мужиков в свой отряд забираете... Ну, известно, народ побаивался... Опять же в газетах писали про вас и из губернии люди приезжали, сказывали... Ну, мы и посумлевались...

— Когда я вас спрашивал: почему попрыгались? — продолжал Сухов, — вы думаете я не знал причины? Враги распространяют о нас всякую гнусную клевету. Им это выгодно, они не могут сказать о нас правду, не могут сказать, что мы боремся за советскую власть, за счастливую жизнь рабочих и крестьян. Вы скоро сами поймете — кто вам друг и кто враг. Рабочие никогда не были врагами трудового крестьянства. На нашем труде, на нашей шее сидел царь со своей сворой министров и чиновников, сидели купцы и помещики. Мы разметали царский строй в Октябре семнадцатого года, но видно не добились врага окончательно, и сейчас, вы знаете, белогвардейцы с помощью чехов, эсеров и меньшевиков захватили часть сибирских городов. Они расстреляли немало рабочих и крестьян, боровшихся за свою советскую власть. Но они не смогли бы поднять голову, если бы вы были более сознательны и понимали: кто вам друг и кто враг. Вы это поймете скоро. Испытаете новую власть и поймете...

Пока Сухов говорил, крестьянки уже несли на площадь кринки молока, сметану в мисках, свежий хлеб.

Когда Сухов закончил свое слово и слез с телеги, староста его ушрекнул:

— А говорите, мы вас плохо встречаем: смотрите...

Красногвардейцы группами стояли у телег, пили молоко и оживленно беседовали с крестьянами.

Душная июльская ночь опускалась на село.

— Ну, что ж, — отозвался Сухов на замечание старосты. — Я доволен, что ошибся...

... В эту ночь долго горел огонь в доме, в котором разместились штаб.

Затихло село, смолкли бойцы, прикурнув кто на телеге, кто просто на траве, обнявшись с винтовкой, а огни штаба все еще были освещены. Склонившись над потрепанной картой, Сухов, Сулим и Трусов решали судьбу отряда — свою судьбу.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ БОЙ

I

Из Родино отряд вышел в поздний завтрак, мобилизовав всех наличных лошадей. Не только крестьяне, но и бойцы не понимали, зачем так нужно много подвод? Если вчера на каждой подводе сидело по четыре-пять человек, то сегодня — один, два — и это казалось странным.

— Надо дать отдых своим лошадям, — объясняли командиры, — на этих доедем до села и отпустим, а своим еще большой путь впереди.

Крестьянки, как и вчера, угостили красногвардейцев завтраком и родинцы всем селом проводили отряд.

И опять была та же степь, то же палющее солнце, только хлеба и травы здесь не так были выжжены, и от этого веселее становилось на душе, словно это были свои, родные места и никакой враг здесь не страшен.

Отряд растянулся больше чем на версту. Подводы шли по четверке в ряд, обочь дороги и меньше пылили.

Бойцы то перебрасывались шутками, смеялись и пели песни, то вновь затихали, как бы вспомнив о цели своего легкого похода.

Впереди верхами ехали Сухов, Сулим и Трусов. Они, как и ночью, продолжали решать сложную задачу: как вывести отряд на соединение с Красной армией, с Советской Россией.

Но вот где-то позади, над обозом, взметнулся звонкий одинокий голос:

«Вихри враждебные веют над нами...

Сулим, как волчок, повернулся на своем коне и взмахнул рукой:

«Темные силы нас злобно гнетут...

Его высокий тенор зазвенел легко и свободно, сливаясь с общим рокотом низких голосов:

«В бой роковой мы вступили с врагами,

«Нас еще судьбы безвестные ждут...

И дрогнул раскаленный воздух, и ожила молчаливая степь, сгоравшая под немилосердным солнцем. Забылись на мгновение все тревоги и усталость пройденного тяжелого пути.

«Но мы поднимем гордо и смело
«Знамя борьбы за рабочее дело,
«Знамя великой борьбы всех народов
«За лучший мир...

Песни облегчали душу... Пели бойцы, пели командиры и, казалось, пели, молчавшие до этого, истомленные жарой поля.

Так, с песнями и шутками, отряд прошел весь путь до села Вознесенского.

Собственно, еще никакого села не было видно, только крылатая мельница да зеленоголовая церковь показывали, что впереди было село.

Заранее высланная на трех бричках разведка не возвращалась, хотя времени прошло достаточно.

Сухов приказал остановить отряд и выслал вторую разведку по направлению к церкви.

Крылатая мельница почему-то казалась сейчас Сухову похожей на человека, предупреждавшего об опасности.

Разведчики еще не скрылись из вида, как из села донеслись разрозненные глухие выстрелы.

Сухов, а за ним Сулим и Трусов, кинулись навстречу разведчикам. Бойцы соскочили с подвод и устремились за командирами.

— В чем дело? — еще издали крикнул Сухов, рывком останавливая коня.

— Село занято белыми, — шаперебой отвечали разведчики.

Но они ничего не могли сказать ни о силах противника, ни о его расположении.

— Мы ничего не успели разглядеть...

Сухов приказал отодвинуть обоз и санитарный отряд на некоторое расстояние и, выстроив бойцов, прошел по рядам.

— Белые гады преграждают нам путь, — сказал он. — Конечно, степь велика, мы можем пойти вправо или влево, но мы не уйдем от преследования и, расстреляв последние патроны, мы вынуждены будем, в конце концов, сдать на милость врага...

— Этому не бывать! — зашумели бойцы.

— Знаем их милость!..

— Раздавить гадину — и конец!..

Когда шум смолк, Сухов продолжал:

— Это значит, товарищи, что мы должны наступать. Другого выхода у нас нет и не может быть... Будьте готовы каждую минуту встретить врага...

Но неизвестность обстановки отодвигала час наступления.

Перед вечером бойцы привели крестьянина. Он еще ночью ушел из села и скрылся на ближних папьяках.

В отряде Трусова находился молодой красногвардеец из села Вознесенки — Адрьян Куликов. Он узнал своего односельца.

— Здравствуй, Прокопий!..

Тот, обрадованный этой неожиданной встречей, схватил руку Куликова.

— Здравствуй... А меня, видишь, заарестовали...

— Ну, какой это арест! — засмеялся Куликов, — на нашем месте беляки с тобой не так бы поступили... Уж наверняка не досчитался бы нескольких зубов. Ну, что в селе?

Но ответа Куликов не слышал, его подозвал к себе Трусов.

— Ты знаешь этого человека?

— А как же, — спокойно ответил тот. — Это Прокопий Переберин из нашего села... не из богатых...

— Ну, хорошо, возьми его и идем к Сухову...

Сухов с Сулимом биноклями ощупывали окрестности, мельницу и церковь.

— Очевидно, — говорил Сухов несколько приглушенным голосом, — у них не столь значительные силы, чтобы начать наступление...

— Возможно, но их положение выгоднее нашего, — также тихо отвечал Сулим. — Зачем им лезть на рожон? Они представляют нам это дело...

— Что ж они — ночи дожидаются? Как по-твоему?..

Подошел Трусов вместе с Куликовым и Прокопием Переберинным.

— Товарищ Сухов, вот крестьянин из этого села... А это наш боец, товарищ Куликов. Он знает его...

Сухов быстро обернулся к подошедшим, мгновенно пристально всматривался в лицо Переберина, как бы решая — стоит ли с ним говорить, потом быстро стал засыпать его вопросами: когда пришли белые, сколько их, есть ли орудия, пулеметы, что он знает о посланной вперед разведке и, словно вспомнив главное, предупредил:

— Только говори правду. За ложь будешь отвечать. Так и знай...

Переберин рассказал, что отряд белых прибыл в село еще вчера днем.

— На автомобилях и на лошадях приехали... Людей у них, пожалуй, за полтыщу будет. Опять же нам никто про это не скажет — сколько их. Молодые все и обмундированы хорошо... Нашинский офицер Кузнецов с ними приехал — целый вечер пулянка в дому была... Что касательно пушек, товарищи, врать же стану — не видал, а вот пулеметы — снимали с машин...

— Сколько пулеметов? — торопил Сухов.

— И про пулеметы не могу сказать, товарищи, сколько. Не пускают нас близко, гонят... Опять же ежели бы знать такое дело, что вас встречу, а то я убер... Страшно стало... А село наше стоит в овраге, вон Адриян не даст мне соврать, — указал он на Куликова и, опустившись на дорогу, грязным, заскорузлым пальцем начал пахать мягкую пыль, изображая нечто похожее на растянутую рукописную букву «Г». — Овраг изогнулся вот такой загонулиной, а по нему с обеих сторон — хаты... Вот тут, — и он ткнул пальцем в верхнюю часть воображаемого оврага, — стоит вся та мельница, а возле нее — дорога из Калашки, по ней и приехали белые. На этой мельнице они, должно, поставили пулемет — вчера с вечера там крутились... А вот тут — церковь, — палец делал ямочку в пухлой пыли, почти посредине своеобразного чертежа, — и думается мне, как бы и с колокольни не стали вас кроить из пулемета...

Он ничего не мог сказать о расположении белых, и Сухов до ночи, с помощью разведок, прощупывал главные силы противника.

За сумерками пришла глухая душная ночь. Но враг обнаружил себя яснее, чем днем. Небольшие группы красновардейцев

беспрерывно беспокоили белых по всей линии их окопов, от мельницы до родинской дороги. По всякому подозрительному шороху белые били из винтовок и вслыхивающие на мгновение огоньки с точностью показывали, как расположил свои силы враг.

— Пусть стреляют,— говорил Сухов,— урона большого не будет, а к утру на нашу голову у них останется меньше патронов...

Вместе с Сулимом и Трусовым Сухов несколько раз прошел по линии фронта. С каждой минутой картина предстоящего боя становилась яснее.

Отвлекая перестрелкой внимание врага, Сухов сам, с ротой красногвардейцев и пулеметом, тихо передвигаясь, обошел левый фланг белых, спустился в овраг возле церкви и ползком, огородными канавами, провел людей в тыл окопавшегося на пригорке врага.

Прощаясь, он приказал ротному командиру:

— Умереть до единого, но не сдаваться.

Чтобы прикрыть оставленных в тылу товарищей от всех неожиданных маневров противника, Сухов поставил на левом вражеском фланге небольшой отряд под командой Трусова, с одним пулеметом.*

Остальные два пулемета он оставил при главных силах, которые должны будут начать наступление.

Короткая летняя ночь показалась бойцам бесконечно долгой. Эта ночь решала судьбу завтрашнего дня, судьбу всего отряда...

II

...Старый полковник приказал: патронов не жалеть...

— Мы задержали противника, — говорил он, — и наша дальнейшая задача — выиграть время, пока подойдет славгородский отряд... А потом... — он не договаривал, но всем было ясно, что потом произойдет, когда противник окажется в окружении двух отрядов.

* Еще и сейчас заметны эти пять десятков индивидуальных окопчиков, которые занимал Трусов со своими бойцами.

И офицеры, и добровольцы каменского отряда, окопавшиеся на подступах к селу, не прекращали стрельбу. Их выстрелы, как огромные дятлы, долбили глухоту темной ночи. Гроном выстрелов люди ограждали себя от страха, а он, незримый, как крадущийся враг, полз по земле, шуршал иссохшей травой, маячил призрачными тенями. И когда эти шорохи и призраки возникали где-то рядом, — торопливо щелкали затворы винтовок.

— Ба-бах-бах!...

Нужно было убить страх, убить эту темную затянувшуюся ночь, а с рассветом — они верили — подойдет славгородский отряд и то, что сейчас заставляет так настороженно прислушиваться, так пристально вглядываться в черноту ночи — будет уничтожено...

Только бы скорее рассвет, только бы во-время пришел славгородский отряд...

А отряд славгородцев и чехов спокойно проводил эту ночь в Родино.

Они прибыли в село почти следом за отрядом Сухова, но идти дальше на замученных, голодных лошадях, прошедших по жаре в одну упряжку более 60 верст, нельзя было. Срочно потребовали от старосты смену, но отряд Сухова мобилизовал лошадей не только в Родино, но и в соседних селах. Сменить лошадей для тысячного отряда не было никакой возможности.

Разосланные во все окружающие села гонцы вернулись ни с чем: крестьяне угоняли лошадей в степь, уезжали «по делам» в соседние села. Никакие угрозы не помогали, и отряд заночевал в Родино, чтобы с рассветом тронуться в путь на Вознесенское, где должна решаться судьба одинокого, но стойкого отряда красных.

III

...Перед рассветом белые прекратили стрельбу, и в селе наступила такая мертвая тишина, что казалось, будто там нет никакого врага, что он под прикрытием ночи ушел в неизвестном направлении, а мирный землероб досыпает свой сладкий предутренний сон.

Но вот на востоке вспыхнула и заиграла утренняя заря, а за

ней точно открылись ворота далеких Алтайских гор и оттуда хлынул неудержимый, всепобеждающий свет, сдирая с земли тяжелый покров ночи.

И противники увидели друг друга.

Сухов за ночь пододвинул свои главные силы к окопам врага и сейчас, проходя по цепи бойцов, наказывал:

— Помните, патрон в нашем положении равен ценности жизни... зря не стреляйте. Бейте только по верной цели.

Его слова, как шорох травы, тихо передавались от бойца к бойцу, в обе стороны.

— Бить по верной цели...

Разрывая тишину утра прогремели два выстрела и пули с тонким воем пронеслись над головой Сухова. Он машинально прикрыл левую щеку саперной лопаткой.

— В белый свет!.. — сказал боец, лежавший на земле у ног Сухова.

— Вот ты не учишь так стрелять в беляков, — посоветовал ему командир и пошел дальше...

Перестрелка началась с восходом солнца. С каждым часом белые усиливали огонь. Молчаливые до утра пулеметы на мельнице и в окопах белых сейчас выметывали длинные очереди. Огонь с мельницы не был страшен — за дальностью расстояния, а от пулеметов, находившихся в окопах, суховцев прикрывал пригорок. На церкви пулемета не было и это спасало небольшую группу Трусова, окопавшуюся с левого фланга противника, и роту бойцов, проникающую в тыл врага.

Солнце поднималось все выше и бойцов начинала томить жара, а белые не проявляли никаких попыток начать наступление. Нужно было что-то предпринимать и Сухов, согнувшись, перебежал к Сулиму, лежавшему вместе с бойцами в цепи.

— Что будем делать, товарищ начштаба?

Сулим привстал на колени, откинул со лба черные кудрявые волосы, точно отгоняя какую-то докучливую мысль.

— Да, по правде сказать, это мне не нравится, товарищ командир. — «Перевод свинца да олова, да удалых молодцов» — продекламировал он. — Этак мы можем расстрелять все свои запасы; а потом...

Сухов на мгновение задумался.

— Что ж, — сказал он, — беляки не хотят наступать, так мы их выбьем из села...

Сулим, пристально вглядываясь в сухое лицо товарища, спросил:

— Значит, будем наступать?

— Да...

Сухов коротко рассказал о своем плане наступления и, согнувшись, перебежал в центр своего отряда; сейчас же по всей цепи был передан его приказ:

— Наступать!..

Приказ Сухова был донесен до группы Трусова и передан роте, засевавшей в тылу врага.

И тогда началось то, чего не ожидали белые.

Сухов с Сулимом короткими перебежками повели своих бойцов в атаку. Плотно прижимаясь к земле, красногвардейцы, под ружейным и пулеметным огнем, шаг за шагом продвигались к окопам врага.

Огонь усиливался с каждой минутой. Теперь красногвардейцы уже ползли по открытой равнине, и пули все чаще и чаще свистели над их головами, взрывали рядом пыль и на какое-то мгновение останавливали людей.

Появились убитые и раненые.

Был момент — окопы белых были недалеко, — когда Сухову показалось, что двигаться дальше невозможно, что это безумие, что можно насмерть положить всех бойцов. Но отступить сейчас было бы еще большим безумием и он, снова согнувшись, часто падая, перебежал от одной группы к другой, ободрял и, кидаясь вперед, звал за собой товарищей.

В это время ударил Трусов по левому флангу врага и одновременно с ним заработал пулемет в тылу белых.

Это было настолько неожиданно для противника, что он на какое-то короткое время даже прекратил стрельбу, словно растерялся, или собирался пойти врукопашную. Его попытки перестроиться под сильным огнем с трех сторон окончились суетою и еще большей растерянностью.

А красногвардейцы с каждой минутой подвигались все ближе

и ближе. Еще один дружный натиск — и враги будут зажаты в кольцо, уничтожены.

Теперь уже белые без расчета, с каким-то отчаянием били из пулеметов и винтовок, не видя выхода.

В это горячее время Сухову донесли:

— Ранен товарищ Трусов...

Группа Трусова, сомкнувшаяся с главными силами, оставалась без командира, и Сухов, поручив командование Сулиму, побежал туда.

Фельдшер-австриец перевязывал ногу Трусову, а тот пытался вскочить, мешал сделать перевязку. Его серые глаза, не знавшие сна несколько ночей, были воспалены, а лицо бледно.

Увидав Сухова, он привскочил.

— В боевом ли порядке мой отряд?..

— Да, да, — ответил ему Сухов, — ты лежи, пожалуйста, спокойно...

Не успел Сухов отбежать от него и десяти шагов, как Трусов вскочил и, прихрамывая, кинулся вперед:

— За мной, товарищи!.. В атаку!..

Он не добежал до бойцов — пулеметная очередь белых скосила его.

Бойцы, увидев возле себя Сухова, ринулись с неудержимой силой вперед. Это окончательно решило исход боя. Бросая пулеметы, белые в беспорядке начали отступать мимо мельницы, на село Калашку.

Сотня кавалеристов-суховцев, под командой барнаульского рабочего Ивана Долгих, кинулась преследовать разбитого врага.

...Старый полковник шотерял пенсне и не видел, в каком беспорядке катились его «доблестные» вояки.

СУД

Было 12 часов дня, такого же как вчера — жаркого и душного. Бойцы расположились на площади — усталые и голодные. Трудно было уснуть после только что пережитого возбуждения. Одни из них готовили обед, другие подсчитывали те малые трофеи, взятые в этом бою: 60 тысяч патронов, 6 пулеметов, 2

воза винтовок. Санитары подбирали убитых, перевязывали раненых; несколько бойцов строгали доски, готовили гроб погибшему командиру Трусову.

Возле церкви огромная толпа. Здесь бойцы смешались с крестьянами, прижали к стене восьмерку пленных беляков. Пленные, в старых офицерских френчах, как пойманные хищники, испуганно глядели на эту шумливую толпу, глядели не только на красногвардейцев, но и на крестьян, вчера еще покорных, а сейчас потрясающих кулаками.

Вся та кашыщенность и бойкость, которыми они кичились вчера, сегодня слетели с них, как ненужная ветошь; они дрожат мелкой дрожью, стараясь изо всех сил сохранить спокойствие перед этими шумливыми людьми.

Они дрожат не от того, что боятся толпы; перед ними ходит человек в таком же военном френче, с усталым бледным лицом. Пнев сдвинул его тяжелые брови. Толпа может разорвать их на части, но она не двинется, пока этот суровый человек не скажет того страшного слова, за которым — смерть, небытие.

Наконец, один из офицеров, самый крайний и самый молодой, не выдерживает:

— Товарищ Сухов, пощадите... Я молод...

— Я вам не товарищ, — не говорит, а выкрикивает, как кровную обиду Сухов. — Мои двенадцать бойцов тоже были люди, они тоже хотели жить, но что вы сделали с ними?..

И тогда пленники припомнили, как в засаду попало двенадцать суховских разведчиков, среди которых была одна девушка; они вспомнили их гордые простые лица; они не просили пощады, а когда один офицер ударил красногвардейца, тот с такой силой ответил на удар, что офицера пришлось унести с раздробленной челюстью; они вспомнили, как потом кинулись на них с шашками офицеры, как после вместо людей на земле лежали окровавленные куски мяса.

Сухов говорил:

— Когда в боях к нам попадали в плен ваши солдаты, мы же казнили, не расстреливали, а часто отпускали их на волю, если они по неосознанности попали в ваши ряды. А что сделали вы?

Он как обвинитель на суде остановился и каждому подсудимому посмотрел в лицо, и под этим взглядом — колючим и гневным, трудно было стоять на ногах.

— Это не мы... — еле выговаривают посиневшие губы молодого прапорщика.

— Нет, это вы!.. — Сухов точно штыком ткнул пальцем куда-то в середину пленников. — Вы даже не звери, вы кровожаднее всякого зверя и на трупах наших двенадцати бойцов вы расписались в этом своими кровавыми руками. Наши бойцы, захватив вас в плен, не сделали с вами того, что могли бы сделать. Их месть была бы священна. Сейчас пусть весь народ судит вас за ваши кровавые дела. Товарищи! — Сухов обернулся к толпе, — их судьба в ваших руках. Если вы постановите их освободить — ни один красногвардеец не тронет своего врага пальцем...

Не успел Сухов еще закончить, как толпа взревела гневом:

— Расстрелять гадов!

— Не щадить кровопийцев!..

И наседала на пленников, словно хотела своими руками задушить их.

Сухов повернулся к офицерам:

— Вот справедливый приговор народа, господа офицеры..

...Десять минут спустя на пригорке грохнули три залпа. Один молодой офицер оказался жив. Когда об этом доложили Сухову, он приказал:

— Перевяжите его и оставьте живым... Его счастье...

ВТОРОЙ БОИ

Над кострами в котлах и ведрах закипал суп. Красногвардейцы, после суточной невольной голодовки, сбились вокруг поваров.

На возах уже были в порядке разложены трофеи, взятые в бою; павшим бойцам была приготовлена общая братская могила, а командир Трусов покоился в новом гробу, и в этот тихий, предобеденный час неожиданно на колокольне зазвонил дозорный.

Тревога!..

И бойцы, мгновенно забыв усталость и непереносимое желание проглотить свою порцию пищи, — окружили своих командиров.

— В чем дело?

Сухов и Сулим поднялись на колокольню.

Дозорный доложил:

— Должно быть, отряд белых идет на Вознесенку, товарищ командир.

Сухов вскинул к глазам бинокль.

По дороге из Родино, по которой только вчера прошел краснопольский отряд, сейчас катились на подводах две людские волны: одна серая, словно запыленная дальней дорогой, и другая — голубая...

— Сводный отряд, — тихо роняет Сулим, вглядываясь в приближавшегося к селу врага, — впереди беляки, а сзади — чехи...

— Это славгородский отряд, — так же тихо отвечает Сухов — наши «старые» знакомые... Они забыли уже про Шемалино... Ну, что ж, мы им напомним...

И еще через минуту упрекнул Сулима:

— А ты вместе с покойным Трусовым спорил со мной, что не надо брать всех лошадей в Родино... Как видишь, — ловушка нам была приготовлена хорошая, но мы выиграли время и сейчас готовы принять врага...

— Да, ты прав... — соглашается Сулим. — Если бы эти два отряда соединились своевременно, — а у них, видимо, расчет был такой, — нам с тобой может быть не пришлось бы смотреть с этой колокольни...

Еще минуту они зорко оглядывают всю местность вокруг села. Наконец Сухов тихо про себя говорит:

— Так... так... так...

Похоже было на то, как если бы он разбирал сложные ходы фигур на шахматной доске.

— Ты о чем «такаешь»?

Сухов быстро повернулся к Сулиму.

— Сейчас наше положение и лучше, и хуже вчерашнего. Лучше потому, что мы занимаем более выгодную позицию и хуже — потому что у них больше бойцов, чем у нас... Ну, да ничего,

пусть попробуют еще раз крепость красногвардейской закалки...

Сухов коротко излагает свой план расстановки сил и торжнит товарища:

— Пойдем, время не ждет...

Они спускаются с колокольни, и Сухов на ходу говорит со-бравшимся крестьянам:

— Товарищи! Второй отряд белых наступает на ваше село. Чтобы не пострадать — расходитесь по домам...

Сухова и Сулима окружили бойцы. Они голодны, они устали от бессонной ночи, но если надвигается опасность — они готовы в бой...

Через четверть часа две сотни красногвардейцев в полном боевом снаряжении шли в засаду. Проходя мимо поваров, они хватили горячие куски мяса, большие ломти хлеба и, обжигаясь, ели на ходу.

Отряд занял окопы, которые еще недавно занимали белые. Их боевая задача — задержать противника.

Белые, не высылая разведки, огромной массой двинулись на центр села. Они были уверены, что село занимает отряд каменцев под командой полковника.

Главные силы суховского отряда, находившиеся в селе, на возвышенной площади, они приняли за каменцев и шли спокойно.

Первые залпы красногвардейской засады заставили отряд остановиться. Люди соскакивали с подвод и в суматохе метались из стороны в сторону. Это не была паника. Но неожиданность была настолько велика, что, отодвинув свои подводы в тыл, белые еще долго стояли на месте, в раздумье.

А в это время в селе, за сврагом, происходило что-то непонятное. Люди, толпившиеся на площади, вдруг снялись и начали отходить в край села, где виднелись высокие тополя.

— Противник отступает, — решили командиры белого сводного отряда и, построив свои силы, повели наступление на засаду.

Они стремительно приближались к окопам, не встречая никакого сопротивления.

Вот, наконец, и окопы. А где же те, которые обстреляли отряд?

Внизу, по оврагу, в две цепочки растянулись крестьянские избы. Нигде не видно ни одной живой души. Только там, где овраг поворачивает к востоку, от избы к избе перебегают одинокие серые фигуры.

Добровольцы и «братья» чехи спустились в село. Пока допрашивали перепуганных жителей об отряде каменцев, о первом бое — солнце покатилося к закату. Нужно было выполнять одним ту боевую задачу, которую решили провести совместно с каменцами.

Стройными рядами, не мешаясь, не путаясь, штабс-капитан и чешский офицер повели свои отряды через площадь, на которой недавно были суховцы, в конец села.

А тем временем Сухов, выйдя со своим отрядом за черту села, разделил красногвардейцев на две части: с одной, при четырех пулеметах, он отправил Сулима в обход с восточной стороны села, чтобы ударить врага с левого фланга, а сам с шестью пулеметами вернулся по оврагу в село — почти к тому месту, где красногвардейцы недавно стояли бивуаком после первого боя.

Белье не учли этого маневра и ускоренным маршем влетели в смертельный мешок.

В тот момент, когда они находились уже близко, шесть пулеметов суховского крыла одновременно резали длинные очереди. Белогвардейцы и чехи, как подкошенные, упали на землю. Но на равнине нигде было укрыться. Полутысячный отряд красногвардейцев метко бил по врагам, оставаясь в то же время за прикрытием домов и огородных канав.

Чтобы укрыться от огня суховских пулеметов, чехи и белогвардейцы бросились в степь, на увал. Но только что они поднялись на пригорок, как их встретили бойцы Сулима.

— Пожалуйте, господа хорошие! — кричали красногвардейцы, поливая противника из пулеметов и винтовок.

Враги смешались. Они не могли податься ни влево, ни вправо. Впереди этот «мешок» еще более суживался и грозил неминуемой гибелью.

С двух сторон строчили пулеметы. Но дружная ружейная стрельба часто была более губительна, чем пулеметная. Она не давала возможности двигаться не только вперед, но и назад.

Уже вечерело, когда белогвардейцы и чехи поднялись с земли и в беспорядке бросились отступать, оставляя на возвышенности убитых и раненых. Им некогда было даже отстреливаться.

Пробираясь через село к оставленному обозу, они неожиданно столкнулись с ротой мадьяр-кавалеристов, преследовавших отряд каменных белогвардейцев до д. Каляушка.

Только наступившие сумерки спасли чехо-белогвардейский отряд от окончательного разгрома.

— Они теперь будут чесать до рассвета, — говорил Сухов, — но и нам почевать здесь не приходится...

Темной ночью, не отдохнув после двух тяжелых боев, отряд двинулся на Кабань. Впереди отряда, на телеге, везли гроб с телом товарища Трусова.

ПОХОРОНЫ ТРУСОВА

Из Вознесенки до с. Кабань (Вострово) отряд Сухова шел всю ночь. Эта ночь казалась предательской. Темнота настораживала бойцов, но усталость тяжелым грузом давила на плечи, клонила головы. Одни бойцы ехали на телегах, другие молча шагали рядом, чтобы не уснуть.

— Днем отдохнем, товарищи, — говорили командиры уставшим бойцам.

В двух последних боях враг был разбит, но разве он не мог приготовить еще одну смертельную ловушку?

Далеко впереди шли разведчики — люди, знакомые с местностью. Но ночь была темна и бойцы не спали...

На заре отряд спокойно вошел в село Кабань и расположился на площади.

Несмотря на ранний час, как по набату, быстро собрались жители со всего села.

Молчаливо копали бойцы могилу своему боевому командиру товарищу Трусову. Сухов сам положил в гроб его оружие — наган и пашку, и над открытой еще могилой произнес короткую речь. Он призывал население бороться за советскую власть, поддерживать Красную гвардию, вступать добровольцами в ее ряды.

— Мы клянемся, — говорил он, — что будем бороться за

власть Советов до последней капли крови и вам, товарищи крестьяне, предлагаем: берите у нас оружие, его у нас много, иначе вам безоружным придется вести войну с белобандитами... Война эта неизбежна, запомните мое слово...

Когда спуускали гроб, над селом прогрехотал троекратный ружейный салют. На площади вырос холмик свежей земли.

В ответ на речь Сухова здесь же, в Вострово, в отряд вступило пять новых бойцов.

После двухдневной голодовки, боев и бессонных ночей, бойцы чувствовали себя усталыми. Сухов приказал приготовить обед. Когда отряд собрался в дальнейший путь, женщины и девушки принесли красногвардейцам подарки: кто десяток яиц, кто кусок масла, кто нового холста на портянки. Красногвардейцы горячо благодарили крестьянок.

— Коммунисты, вперед! — командовал Сухов, и отряд пошел кромкой Космалинского бора на Солоновку...

В ГОРЫ АЛТАЯ

Разбитые в последних боях, белые не преследовали. Отряд Сухова, покинув Солоновку, прошел через деревни Мельниково, Токарево, пересек линию Алтайской железной дороги возле ст. Поспелиха и двинулся дальше через деревни: Белоглазово, Тугозвонково, Комариха, Камышенка, Н. Шипуново, Чайное — в горы Алтая.

На этом громадном пути суховцы уже не встречали более такого организованного преследования врагов, как это было в Славгородской и Кулундинской степях. Казалось, что белогвардейцы оставили отряд в покое...

Но это было далеко не так.

Белогвардейцы собирали силы и зорко следили за продвижением отряда Красной гвардии.

В те время, когда отряд Сухова переходил линию Алтайской железной дороги у ст. Поспелиха, сюда был брошен казачий отряд под командой полковника Волкова.*

* Того Волкова, который впоследствии оказал столь незаменимую услугу Колчаку по свержению директории. При первой советской власти Волков скрывался в прииртышских станицах.

Ретивый офицер, получив столь высокое назначение — командующего «юго-восточным фронтом», не замедлил издать первый свой приказ:

«Начальникам гарнизонов: Бийска, Барнаула, Камня, Славгорода, Усть-Каменогорска.

27 июля 1918 г. 20 часов. Ввиду серьезности момента в районе Алтайской жел. дороги и открытия военных действий в районе Барнаула и ст. Рубцовка, объявляю: 1) железную дорогу от ст. Новониколаевск до Бийска, от ст. Рубцовка до Семипалатинска (включительно) и всю прилегающую к ней местность — на военном положении; 2) железную дорогу от ст. Алейская до ст. Рубцовка и гор. Барнаул (включительно) и всю прилегающую местность и район военных действий — на осадном положении; 3) в силу этого все преступления в означенных местностях и участках жел. дороги будут караться по всей строгости законов военного времени. Всем начальствующим лицам гражданским и военным для немедленного опубликования. Прошу вывесить таковой на видных местах станций, служебных помещений и объявить под расписку всем служащим и рабочим».

Этот приказ грозного «командующего» прозвучал как холостой выстрел. Он опоздал на три дня. Отряд Сухова был уже далеко за линией дороги и продвигался к горам Алтая.

К этому времени был опубликован приказ атамана Сибирских казачьих войск генерал-майора Евтина о мобилизации казаков в станицах Чарышской, Антоньевской и др. — чарядов 1915—16—17 и 18 годов.

О «юго-восточном фронте» с каждым днем все более и более начинали шуметь газеты. «Правительственные телеграммы» общали:

Юго-восточный фронт. Кулундинское направление.*

По сведениям войсковой разведки, передовые части против

* В штабах и редакциях газет не совсем хорошо знали географию края, поэтому даже предгорья Алтая относили к «кулундинскому» направлению.

ника двигаются от ст. Пospelиха на восток. 29 июля были обнаружены у ст. Антоньевской, к юго-востоку от Бийска, красные силою в 700—800 штыков.

Обнаружив отряд Сухова, местные казачьи сотни, не дожидаясь, пока подойдет со своими войсками полковник Волков, не только следили за его продвижением, но и пытались нападать сами.

Так было в селе В. Бацелае. Казаки станицы Антоньевской напали на отряд Сухова, но, получив жестокий отпор, откатились во-свойси.

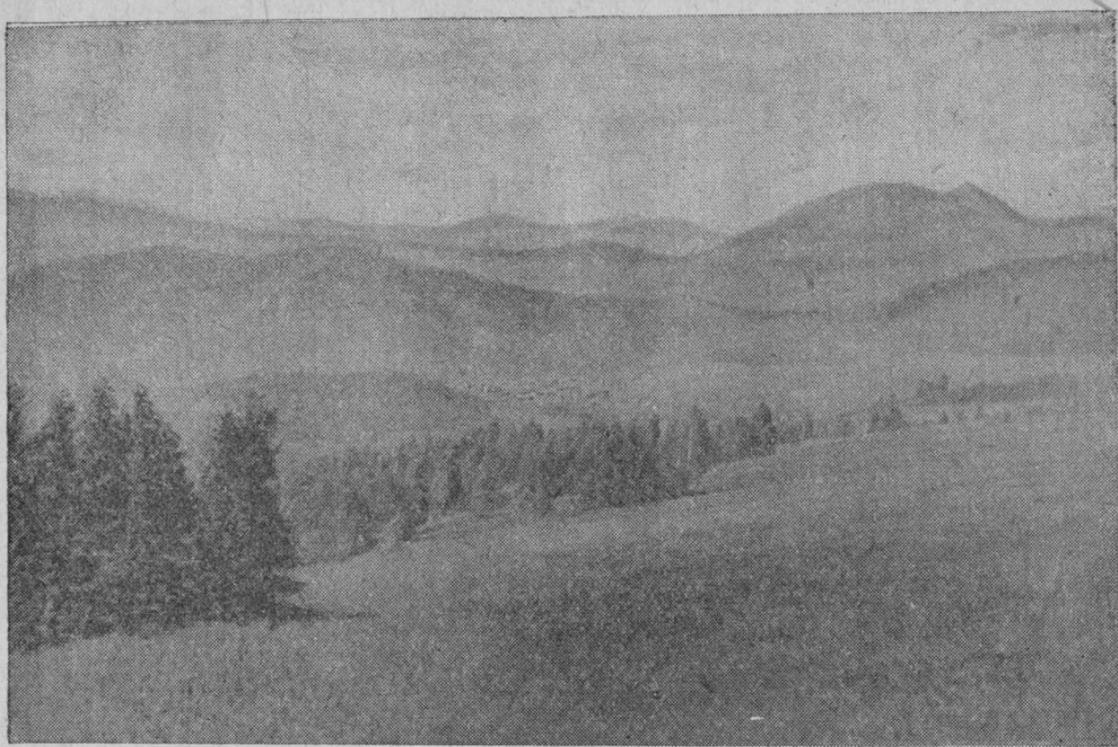
Не зная об организации крупных сил белых, идущих следом, Красная гвардия вошла в горы Алтая. Здесь продвижение с каждым днем становилось все труднее и труднее. Если в Славгородских и Кулундинских степях население, состоявшее, главным образом, из новоселов, в большинстве своем радушно встречало отряд, то здесь, среди старожилов, к приходу Красной гвардии относились не только со скрытой, но и явной враждой. Агитация эсеров, наводнивших Алтайскую губернию еще при советской власти,* звериная злоба кулачества, гнусная проповедь попов—делали свое черное дело. Теперь каждую подводу приходилось брать силой, останавливаться на ночевку в деревне было опасно—предательство ожидало на каждом шагу.

Крутые горные подъемы затрудняли продвижение, разведка выбивалась из сил, и отряд не мог уже продвигаться так, как в просторных степях Кулунды.

Горы сдвигались, становились угрюмее, не предвещая ничего хорошего героическому отряду Красной гвардии.

Впереди, как настороженная пасть, скрытая горами, стояла черная дыра деревня Тележиха..

* Алтайская губерния была самой богатой хлебом из всех губерний Сибири. После разгона Томским Советом Областной думы (конец января 18 г.) — эсеры начали деятельно готовиться к свержению советской власти. Учитывая громадные хлебные затруднения Центральной России, эсеры бросили на Алтай большое количество своих членов для агитации среди кулачества — не давать хлеба большевикам.

Как настороженная пасть в глубокой впадине расположилась Тележиха, окруженная высокими горами.

ТЕЛЕЖИХИНСКИЙ БОЙ

Рано утром отряд Петра Сухова спустился с гор в село Тележиху.

Это было 2 августа по новому стилю.

Отряд расположился на площади, возле церкви, а Сухов со штабом поместился в двухэтажном доме купца Таскаева.

С трех сторон село сжимали высокие, крутые горы и только на северо-восток оставался узкий проход по реке Черневой, на село Колбино. Зная, что следом за отрядом, прячась в горах, идут белогвардейцы, и учитывая положение отряда в этой «ловушке», Сухов не проводил никакого собрания, а потребовал к себе старосту, кулака Сергея Тельминова. Тот не заставил себя долго ждать.

— Что прикажете, милые воины?.. — сладко прошел он, разглаживая свои промасленные волосы на обе стороны.

Сухов сурово оглядел этого слащавого «старца», который с такой же благообразной рожей легко всадит нож в спину, потребовал:

— Немедленно дать подводы. Только поворачивайтесь живее...

— Мы не супротивники, да только конишки вот разбрелись по горам... Соберут — и поезжайте с богом... — увертывался староста.

Коней «собирали» очень долго. Уже солнце поворотило с полдень, а выехать из Тележихи было не на чем. А в это время староста через кулака Евгена Добрыгина связался с полковником Волковым.

— Во что бы то ни стало задержать отряд в селе... — приказывал Волков.

И староста хитрил, вертелся изо всех сил, чтобы выполнить этот приказ. Он часто являлся к Сухову и раболепно докладывал:

— Беда... Разбрелись конишки, никак собрать мужички не могут. Трех привели и только...

Сухов нервничал, угрожал:

— Если через час не доставишь лошадей под подводы — тебя самого запрягу в телегу.

Скоро староста совсем скрылся. Отряду пришлось заночевать в Тележихе.

Только на следующий день, когда солнце поднялось уже над снежной вершиной горы Будачихи, отряд погрузил свое имущество на подводы, тронулся в дальнейший путь.

К этому времени белогвардейцы стянули свои силы к Тележихе и заняли выход на деревню Колбино — единственный путь, по которому можно было проехать на телегах. С юго-востока возвышалась гора Будачиха, и ее отроги почти соединялись с горой Заануйской, расположенной с юго-запада села. Отроги этой горы уходили на север, оставляя довольно узкую долину, по которой должен был идти отряд Сухова.

Прикрываясь за скалами и выступами гор, белогвардейцы терпеливо, как хищники, выжидали жертву.

Не зная о приготовленной ловушке, Сухов в полдень повел отряд. Не успели еще все подводы выйти за село, как из-за прикрытий ударил пулеметный и ружейный огонь.

Сухов и Сулим верхами метнулись к передовым подводам.

Красногвардейцы быстро покинули телеги и по приказу Сухова заняли три гривы на выходе из села. Роту мадьяр, подкрепленную русскими, Сухов отправил на гору Заануйскую с двумя пулеметами и сейчас же открыл огонь по наступавшему врагу.

Возвышенные гривы дали красногвардейцам возможность укрываться. Несколько раз казаки вырывались на дорогу, чтобы налетом занять село, но губительный огонь заставлял их поворачивать обратно.

Рассчитывая навести панику на суховцев, белые, кроме ружейного и пулеметного огня, открыли стрельбу из 3-х дюймового орудия. Снаряд за снарядом загудели над головами передовых частей, но, падая в деревне, не разрывались.

— В белый свет, как в копеечку, ваше благородие!.. — смеялись красногвардейцы.

Вскоре орудие замолчало. Это вызвало новые остроты:

— Отстрелялись, голубчики! Заводов еще никто здесь не построил для вас, а пока на телегах подвезут снаряды, мы вам морды набьем!..

Пулеметное гнездо мадьяр, расположенное на горе Заануйской, не подпускало белогвардейцев к селу со стороны Солонешного. Все попытки белых были отбиты.

Весь остаток дня шел бой, и только когда густые сумерки стали затягивать долину, стрельба стихла.

Закрыв отряду Сухова выход из села, белые, в конце концов, увидели, что им не удастся прорваться в село, не удастся разбить ненавистный отряд.

За ночь они перестроили свои силы, рассчитывая занять село утром.

Все возможные выходы для суховского отряда были закрыты, и командиры белых уже радовались предстоящему разгрому.

Но не спал эту ночь и Сухов со своим штабом. Он побывал на горе Заануйской у мажар, подкрепил их заставу несколькими бойцами и снаряжением; облазил долину реки Черновой, словно руками ощущал каждое уязвимое место и послал туда отряд семипалатинцев.

Всю ночь шла перестрелка сторожевых постов. В эту ночь никто из красновардейцев не сомкнул глаз. В селе не было видно ни одного огонька, но жители не спали, каждый час ожидая налета казаков.

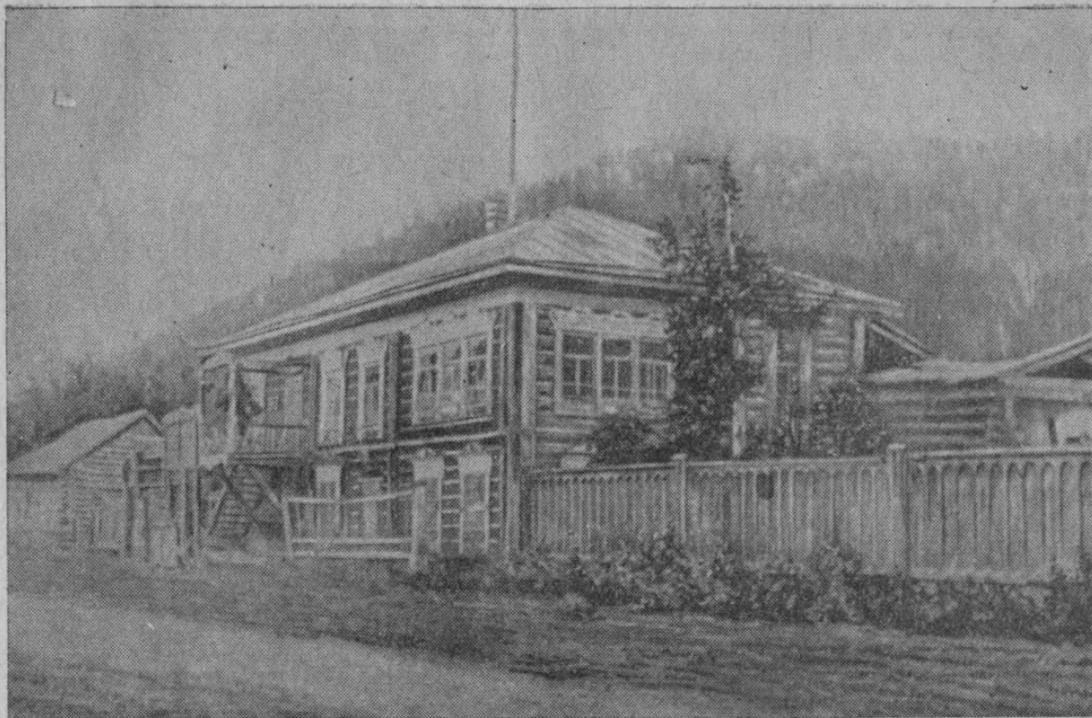
На рассвете белые с бешенством кинулись на село с трех сторон. Отряд встретил их ураганным огнем. Злобно нахлестывая нагайками коней, казаки повернули обратно в горы.

Сухов на лошади метался из конца в конец села. Он смертельно устал от двухдневного непрерывного напряжения, от бессонной ночи; лицо его было бледно, глаза воспалены и сдвинутые к переносью брови поднимались только тогда, когда он ободрял уставшего товарища или успокаивал раненого.

За эти два дня среди красновардейцев было ранено десять человек. Убитых не было.

Раненых, вместе с привезенными в Тележиху 17 больными, разместили в четырех домах. Надзор за ними был поручен заведующему санотрядом т. Усику, фельдшеру Елистратову,* взятому в плен в одном из боев с белыми, санитарам: И. Кочеткову и Солнцеву и сестрам-хозяйкам: Дерябиной, Федяниной, Обуховой, Красиловой и Косткиной.

* В отряде был еще Елистратов — член штаба, коммунист и славный командир коммунистического отряда.

Штаб Сухова разместился в двухэтажном доме купца Таскаева.

Убыль в отряде была незначительна, но другая тяжелая беда преследовала Сухова — патроны были на исходе.

Перед вечером перестрелка стала затихать. Возле штаба Сухов встретил Сулима, возвращавшегося от семипалатинцев.

— При таких потерях, — сказал он, — мы можем держаться в Тележихе до восстановления по всей стране советской власти... Нам трудно выйти из села, но и белогвардейцам зайти в село мы не дадим... Только вот патроны нас подведут... У мадьяр уже один пулемет не работает, — Сухов тоскливо вздохнул, — расстреливать остатки — значит заранее обрекать отряд на гибель.

Всегда веселый, жизнерадостный Сулим сейчас, опустив голову, молчал.

— Надо искать выход, — тихо сказал он, словно не веря тому, что этот выход может быть найден.

— Выход — вот он... — Сухов указал на гору Будачиху, на вершине которой белыми заплатами лежал нарастающий зимний снег. — Прорваться на Колбино нам не удастся — белогвардейцы превосходят нас численностью, а, возможно, и боеприпасами. Но если бы даже мы и прорвались, то уйти от них не сможем. Им здесь всякий кулак — помощник... Надо искать проводников и за ночь перевалить Будачиху...

Вместе с сумерками на гору Будачиху напоззла тяжелая дождевая туча. Густой непроглядный мрак заполнил долину, закрыл село. Зашумели первые капли дождя...

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БУДАЧИХУ

Тихий дождь сменился страшной грозой. Яркие молнии, как саблями, пластали тяжелую черноту ночи, удары грома потрясли землю. Казалось, вечно недвижимые напластования гранита дробились и скатывались с поднебесных высот Будачихи, рушили вековые деревья.

В этой крошечной тьме Сухов с большим трудом собрал своих бойцов к подножью горы. Не было только мадьяр. Посланный связист — как в воду канул.

Сухов сказал бойцам:

— Мы никогда не отступали перед белогвардейской сволочью.

В Тележике мы могли бы держаться бесконечно, но у нас на исходе боеприпасы. Расстреливать же последние патроны — значит обрекать себя на гибель... Штаб решил: покинуть село и через гору Будачиху идти в дальнейший путь... У нас есть проводники, которым тропа через гору хорошо известна...

Красногвардейцы единодушно одобрили решение штаба...

В отряде было более 500 штук берданок и испорченных винтовок, вывезенных еще из Барнаула. Сейчас это оружие было неудобным, тяжелым грузом. Оставлять же врагам ничего не хотелось. С большим трудом красногвардейцы развели костер, сложили это оружие, сожгли. Пулеметы, которые невозможно было тащить с собой через гору, — закопали в землю.

Отряд был готов отправиться в тяжелый переход, но Сухов ждал, когда подойдет рота мадьяр. Время тянулось медленно, мучительно была каждая минута стоянки под дождем.

Кто-то сказал:

— Теперь их до рассвета не дождешь... Заблудились, должно...

Сухову тяжело было покидать отважных бойцов, не раз отличавшихся в схватке с белыми, тяжело было оставлять больных и раненых в селе, но ничего сделать нельзя было.

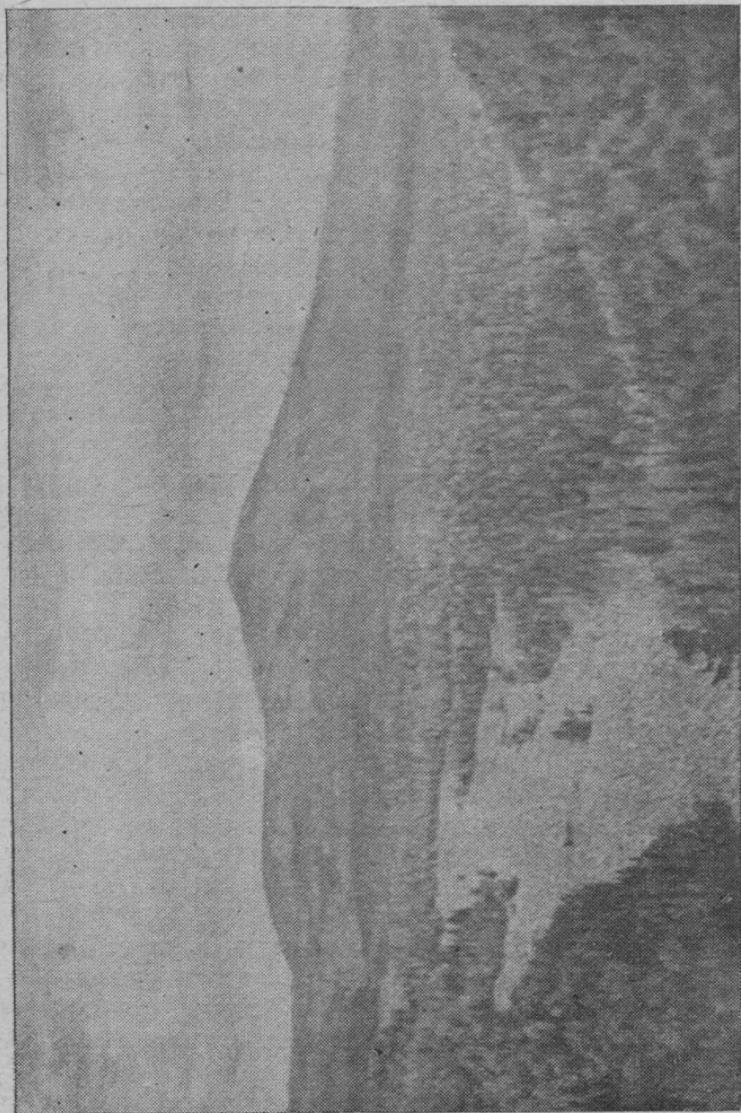
— Да... Видно, ждть бесполезно, — печально обронил он. — Приготовиться в путь...

Старик Никита Щитников и Егор Фефелов — местные жители — вышли вперед и повели отряд только им известными тропинками на гору Будачиху.

Дождь усиливался. Теперь он бьющими потоками обрушивался на головы и плечи бойцов, словно на вершине горы прорвались какие-то скрытые реки. Беспрерывно грохотали тяжелые перекаты грома. Молния на мгновение вырывала из густой темноты хмурые деревья с обвисшими ветвями, черные скалы и груды камней.

Бойцы шли цепочкой за проводниками, держались друг за друга. Они шли то в густом непроходимом лесу, спотыкаясь о буреломины и падая, то продирались сквозь заросли кустарника, то одуною, по каменным валунным нагромождениям, карабкались к вершине горы.

Перевал лежал на полутораклометровой высоте и пока от-

Перевал через Будачиху лежал на полуторакилометровой высоте.

ряд дошел до него, многие бойцы, выбившись из сил, отстали и до утра находились под дождем, в соседстве со снежными полями этой страшной горы.

К утру измученный отряд спустился с горы в деревню Еляново и без отдыха двинулся на Каракол.

Усталость сказывалась — некоторые начали говорить: не лучше ли разойтись в разные стороны, чтобы не подвергать себя дальнейшей опасности?..

Сухов слышал эти разговоры. Около Каракола, в лесу, оставив ненадолго отряд, он сказал:

— Мы удерживать никого не будем, но кто за дальнейшее продвижение отряда — пусть идет за мной... Я назад — ни шагу. Там нас ожидает только смерть...

И весь отряд двинулся дальше.

Бедняки деревни Каракол радушно приняли отряд Сухова, покормили красногвардейцев и на своих лошадях отправили в деревню Усть-Мута...

РАСПРАВА

К утру дождь прекратился, тяжелые тучи скатились за горы и на прозрачно-голубом небе показалось ясное, словно умытое солнце.

Везде шумели стремительные ручьи. В селе было тихо. Казалось, люди еще не проснулись, не пришли в себя после бурной страшной грозы, пронесшейся над селом.

Но вот на горах появились первые раз'езды белых. Они долго и пристально вглядывались в спокойные улицы села и не решались спуститься, боясь новых маневров красногвардейского отряда.

Оглядываясь, на улицу вышли люди. Отыскался и староста Тельминов. Запыхавшийся, он бегал от дома к дому, истощенно кричал:

— Православные. Ушли антихристы! Ушли хриstopродавцы!..

Увидев раз'езды белых, он привязал к палке белый платок и махал им, кричал:

— Ну, идите!.. Никого в селе нету!..

Только в полдень, после того, как староста послал связиста к полковнику Волкову, казаки вехали в село.

Они бросились обыскивать попреба, бани, амбары. Раненых красногвардейцев и сестер-хужалок вывели на гриву возле церкви, а бессильных тащили волоком и всех расстреляли. Во время обыска нашли еще человек десять красногвардейцев, снимали их до нижнего белья и тоже расстреляли.

Не всегда казаки сами находили скрывшихся бойцов, — им усердно помогали в этом кулаки. Только те красногвардейцы, которые прятались в домах и овинах бедняков и середняков, почувствовавших Красной гвардии, уцелели.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Выбравшись из гор на Уймонский тракт, отряд Сухова быстро подвигался к Катанде. До монгольской границы оставалось недалеко, и отряд спешил уйти от преследования хорошо вооруженных казаков и белогвардейцев.

В Нижнем Уймоне отряд встретил один из организаторов кулацкой банды, эсер Казарцев. Он осведомился о направлении отряда и, узнав в одном красногвардейце своего друга по якутской ссылке — Жебурыкина,* вызвался проводить.

— Вот неожиданная встреча! — весело говорил он, пожав руку Жебурыкину. — Расскажи кому-нибудь о нашей встрече в этой глуши — не поверят...

Казарцев торопливо сообщил, что он живет в Катанде, что народ у них зажиточный.

— Встретят — лучше не надо... Я в этом уверен...

Сухов никогда не доверялся случайным людям. Но сейчас на его пути лежало последнее крупное село, где можно и нужно было заготовить продовольствие, чтобы двигаться через тайгу в Монголию, и он послал вперед Жебурыкина с наказом: приготовить лошадей и запас — сухари и прочее для отряда.

Жебурыкин и Казарцев уехали, а следом за ними потянулся отряд.

* Жебурыкин, находясь в отряде Сухова, скрыл свою принадлежность к партии эсеров.

Катандинцы приняли отряд очень хорошо. Многим эта слишком радужная встреча показалась даже подозрительной, но в конце концов все это приписали заботам Жебурыкина и его товарища. Из Тюнгюра и близких заимок нарочные согнали лошадей, женщины приготовили обед и насушили сухарей для отряда.

В Катанде отряд передохнул, заготовил продовольствие и на следующий день пошел на Тюнгур. Впереди, по горам, шла разведка.

Выступая из Катанды, красногвардейцы не досчитались одного бойца — Жебурыкина. Он бесследно исчез.*

... Еще в то время, когда отряд Сухова находился в пути к Абаю, в Катанду прибыл из Улалы отряд белых под командой поручика Любимцева.

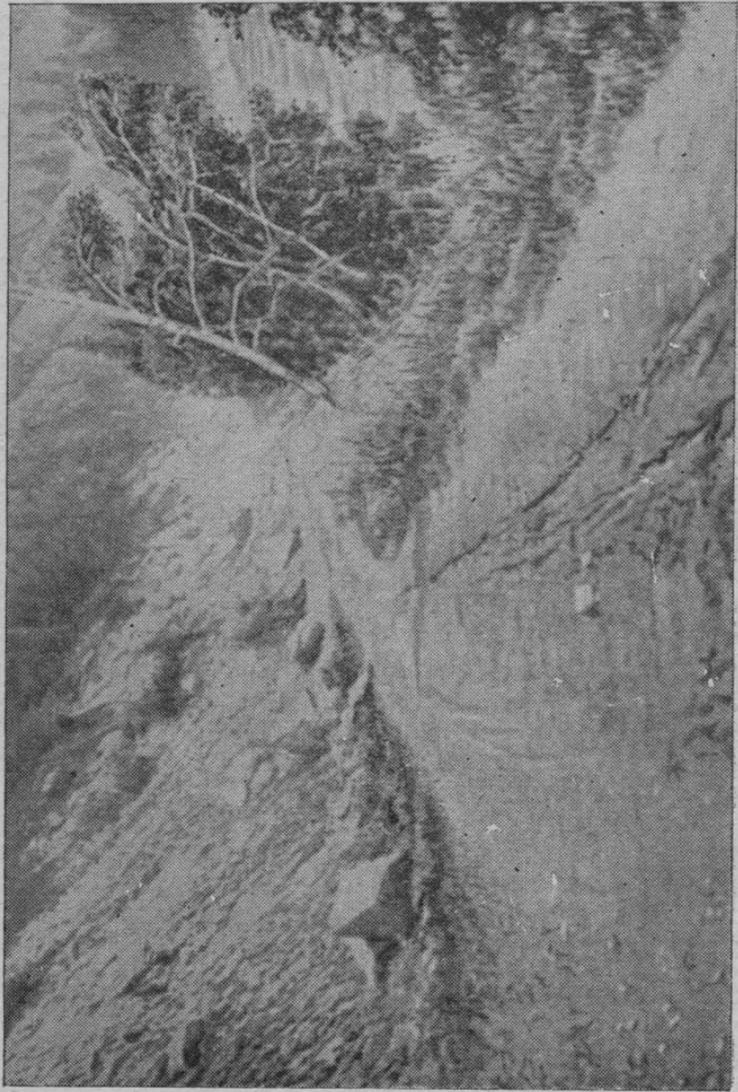
Этот небольшой отряд не мог бы задержать продвижение суховцев. Но на помощь Любимцеву пришли эсеры Казарцев, Гамзин, вкупе с кулаками Шалкиным, Черепановым и другими. Они организовали кулачество деревень: Горбуново, Нижнего Уймона, Катанды и Тюнгюра для того, чтобы задержать отряд Красной гвардии (они хорошо были осведомлены о продвижении частей полковника Волкова).

С этой целью они устроили недалеко от Тюнгюра две засады: одну в самом узком месте, при впадении в Катунь небольшой горной речушки Деты-Кочко и другую — на правом берегу Катуня у заимки Туралдинки. В каждой засаде поставили по пулемету. Первая засада должна была остановить продвижение отряда вперед, вторая же — отрезать путь к отступлению в Тюнгур. Кроме того, в самом Тюнгюре был скрыт организованный эсером Казарцевым отряд кулаков в 400 ружей.

В 4 часа вечера отряд Сухова спокойно вошел в Тюнгур и, не задерживаясь, пошел дальше. Предательские замыслы эсеров и кулаков трудно было заметить. Женщины Тюнгюра оделяли проходивших красногвардейцев хлебом, молоком, огурцами. И здесь, как и в Катанде, встреча казалась радужной.

Под командой Сулима Сухов отправил разведку на гору Бай-

* В 1924 г. Жебурыкина опознали в Барнауле. Он сознался в предательстве и был расстрелян.

Тропа над шумной Катунью, где белогвардейцы устроили засаду.

ду, а сам повел отряд по узкой тропе, над Катунью. Другого пути не было.

Ничего не зная о засадах, отряд спокойно втянулся в узкое место. Когда красногвардейцы цепочкой стали приближаться к речке Дети-Кочко — белогвардейцы открыли огонь из ружей и пулемета. Словно горы обрушились на головы красногвардейцев; эхо перекидывалось с горы на гору и казалось, что там, впереди, собраны целые полки.

Первые жертвы, срываясь с кручи, полетели в Катунь. Подняться на гору Байду здесь не было никакой возможности. В этом месте гора Байда почти отвесно опускалась в Катунь. Отряд под огнем повернул обратно в Тюнгур.

В это время из-за Катунь ударил вторая засада. Путь к отступлению был закрыт.

Теряя убитых и раненых товарищей, красногвардейцы под перекрестным огнем выбрались из узкого места на ровную широкую площадку. Сухов наспех построил отряд и под огнем повел его на Тюнгур.

Самое страшное было то, что красногвардейцы не видели врага, не знали его численности и не имели возможности отстреливаться.

Навстречу отряду эсер Казарцев вывел свои силы — кулацкий отряд в 400 ружей. Огонь его отряда заставил суховцев искать прикрытия за каждым камнем, свалившимся с горы Байды. Метким, дружным огнем красногвардейцы остановили «войско» Казарцева, но сами не могли продвинуться ни вперед, ни назад.

С наступлением сумерок отряд, оставив лошадей и все лишнее, стал подниматься на гору Байду. Это была единственная возможность уйти от губительного огня скрывшихся врагов...

Байда стояла как стена. Красногвардейцы вразброд поднимались по ее крутым склонам. Кто был посильнее — поднялись раньше и разбрелись по кедрачам. Многие слабосильные и раненые не смогли подняться на гору и утром были вытолкены вооруженными кулаками и подоспевшими казаками отряда Волкова.

Гибель всего отряда была неминуема.

Измученные многодневной голодовкой, бойцы поодиночке стали спускаться с гор в деревни. Здесь их ловили, обдирали донага и избитых тащили в штаб Волкова.

Там их ожидала только смерть.

СМЕРТЬ ПЕТРА СУХОВА

Уже четвертый день подряд два брата — Ерофей и Иван Кудрявцевы, как и многие из кулачья, охотятся за красногвардейцами.

Их отец, Патрикей Панфилович, отправляя в первый день сыновей, говорил назидательно:

— С покосом дело поспеется, а сейчас, пока добро само в руки идет, надо его брать. Под лежащий камень вода не канет... Слышать вон, што красные гвардейцы, загнанные в тайгу, мором мрут с голоду — лопотинка-то их зря пропадет... А у вас обоих детишки, што у куропаток высижки — думать надо...

Он не учил их, как с живых людей сдирать одежду — об этом они сами должны знать.

— Власть-то ныне хотя и нова, да дыры у нас готовы.. Идите-ка со восподом...

И Ерофей с Иваном шли.

Молодые, кудрявобородые, они туго затягивали ремнями свои «понитки», проверяли двухчетвертовые самодельные ножи, и перебравшись через реку, лезли на гору, разрывая могучими грудями кустарник и жарко дыша, как молодые медведи...

Они знали тайгу, как родную заимку, и быстро находили измученного холодом, веявшим от ближних белков, и обессиленного от голода красногвардейца. Более сильные из красногвардейцев прятались в чащобу, а слабые, согретые солнцем, дремали сидя, прислонившись спиной к могучим столетним кедром.

В таких случаях старший Ерофей говорил брату:

— Отворотись, братка, я его упокою...

Отбивались немногие и редко приходилось угрожать ножом. Чаще дело обходилось просто: Ерофей валил красногвардейца на землю, коленом наступал ему на горло и одного удара кулака под сердце было достаточно, чтобы «бескровная» жертва затихла...

— Хлипкой... — говорил он Ивану, осторожно снимая с убитого одежду и связывая ее в тугой узел...

На этой «охоте» братья каждый день встречали знакомых тюнгурских, катадинских и нижне-уймонских кулаков, но, не здороваясь, проходили дальше... С каждым днем жертв оказывалось все меньше и меньше. Многие красногвардейцы, измученные голодом, сами приходили в деревни на муки, на смерть...

Сегодня у братьев Кудрявцевых неудачный день. Они вышли рано утром, обошли всю вершину горы Байды, обшарили в логах кустарники и нигде не нашли ни одного красногвардейца. Чаще натывались на кусты, из которых шибало тяжелым духом разлагавшихся трупов, и они торопливо уходили в новые места.

— Однако уже всех попривололи красных-то гвардейцев, — говорит с сожалением Ерофей.

Младшему Ивану видимо надоела бесполезная ходьба, и он заканчивает мысль брата:

— Боле и ходить незачем... надо покос справлять...

Дома уже ребятишкам бабы пошили обновки, старик-отец натянул на свои широкие, костлявые плечи красногвардейскую гимнастерку. («Должно, дождой мужик-то был» — говорит он, одевая в первый раз обнову), и для каждого из братьев в сундуках лежит достаточно нижнего и верхнего платья, заботливо вымытого женами. Но Ерофея еще одолевает жадность, и он говорит брату:

— Пересекем еще раз гору и спустимся в Тюнгур... Может тут которы поблизях... Они теперь от голоду дохнут и к поселкам ползут...

Уже солнце свернуло с полден и медленно катилось к горам по голубой выси, словно хотело растопить их снежные вершины. А горы стояли в белых серебристых чалмах, величественные в своей ослепительной красоте. По долинам и ущельям, сверкая на солнце, шумно неслись бесконечные ручьи и речки, но на вершинах гор безмолвье и только древние кедры, покачивая на своих лапах богатый созревающий урожай, ведут монотонный разговор.

Братьям Кудрявцевым ни к чему эта красота природы. Их занимают другие мысли—они идут молча, каждый думая о своем,

и только когда с горы открывается вид на долину и в ней, рядом с Катунью, разбросанные дома Тунгура, Иван говорит:

— Казачишки-то мыкаются по деревне, как угорелые... как бы нам беды с имя не нажить...

— Нас чо народ не знат? — хмуро отзывается Ерофей. — Не бродяги какие... — и, помолчав, добавляет со вздохом: — Ты вот скажи: добришка здесь казаки халнули достатком... Сказывали — красные-то гвардейцы золото везли... кому-то оно досталось?..

По пологой гриве они медленно начали спускаться с горы. Теперь все дневные заботы отлетели. Оставалось только недовольство на бесполезную ходьбу...

Вдруг Ерофей рывком остановил за руку брата и глазами указал направо.

На солнцепеке, между камней, дремал, привалившись, человек в военной гимнастерке; фуражки на голове не было, и черные волосы жгутами свисали к закрытым глазам, делая лоб узким и выпуклым. На изможденном лице лежала усталость. Казалось — человек только что перенес тяжелую болезнь и впервые вылез на солнышко из мрачного подземелья.

Братья осторожно стали приближаться к спящему, но у Ерофея из-под ног осыпались камни, и человек открыл глаза.

— Что вам надо? — спросил он, поднимаясь навстречу, как бы собираясь защищаться.

Ерофей увидал на нем добротные сапоги и ослабилсь, обнажая крупные, как у лошади, белые зубы.

— Побеспокоили вашу милость... — вдруг, точно зверь, метнулся к незнакомцу, сбил его с ног и, навалившись всей тяжестью, хрипел брату:

— Пошридержи-ка... сапоги надо снять...

Человек был бессилен, он не мог сопротивляться. Они быстро сняли с него всю одежду, сапоги, и Ерофей вопросительно взглянул на брата: «Что, дескать, будем делать с этим?» — ему было жалко нижнего белья, оставшегося на пойманом. Он только хотел сказать Ивану: «Оборотись, братка»... как тот, достав из кармана гимнастерки фотографическую карточку и бумаги, прочитал:

Темной ночью красногвардейцы вразброд, по одиночке, поднимались по крутым склонам на гору Байду.

— Петр Сухов... Стой, братка, это их начальник... Отведем казакам...

У Ерофея тряслись руки, когда он разглядывал карточку. С фотографии глядели на него те же черные упрямые глаза, так же спадали зачесанные волосы, только одет человек был не в военное, а штатское платье, и белый воротничок рубашки был повязан таким же галстуком...

— Иуды!.. — как плевок бросил им в лицо Сухов...—Отведите... может и вам за мою голову дадут тридцать сребренников...

— Но-но!..—помрачнел Ерофей. — Иди, коли жив остался...

За всю дорогу Сухов не сказал ни слова своим конвоирам — это были те же враги, не менее алчные и озлобленные, чем банды Волкова, только на этих вместо мундиров были простые домотканые «понитки», затянутые сыромятными ремнями.

Он шел молча, подавленный не столько своим пленением, сколько сознанием гибели отряда. Эти мысли не давали ему покоя все последние дни.

— Гибель... — вот слово, которое заполняло сейчас его мозг и мучительной болью давило сердце.

Вновь и вновь он вспоминает предательскую засаду, организованную эсерами совместно с белогвардейцами и кулаками; тяжелый подъем на гору Байду и одинокие голоса заблудившихся товарищей. Он поднялся последним и, задыхаясь от усталости, ничего не видя в темноте ночи, до рассвета ходил по вершине горы, собирал бойцов.

Многие красногвардейцы, потеряв связь с командиром, в одиночку пошли искать свою судьбу.

С маленькой группой бойцов он три дня бродил по горам, надеясь собрать заблудившихся, чтобы продолжать путь. Но с каждым днем группа не увеличивалась, а уменьшалась: один за другим отставали больные, истощенные товарищи.

Вчера вечером в схватке с казачьим разездом, ловившим отставших, одиноких красногвардейцев, он потерял последних товарищей. В подсыжке не осталось ни одного патрона и боевая подруга — винтовка стала не нужна. Он бросил ее в сторону и, пользуясь темнотой, пошел наугад.

Всю ночь он ходил по вершине горы Байды и к утру, подожженный усталостью, свалился и уснул между камней...

...Теперь все было кончено. Он не думал о побеге. Крепкие пальцы врагов до боли сжимали его вывернутые руки.

В штабе ликовали:

— Сухов пойман!..

— Красногвардейского главкома изловили!..

Весть о поимке Сухова облетела деревню, и к дому Капсима Кузьмина потянулись ожиревшие кержаки, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на того, кто еще вчера был страшен для них, богатеев.

Полковник Волков и поручик Любимцев, сидя за столом, долго разглядывали документы и фотографическую карточку, изредка поглядывая на Сухова и двух бородатых мужиков, стоявших с ним рядом.

Своей медлительностью они точно издевались над пленником, стоявшим перед ними в нижнем белье и босиком.

На одутловатом лице полковника — гримаса, словно он ошибся в своем представлении о командире красных бойцов и сейчас, читая документы, разочаровывался.

Перед ним стоял совсем не страшный человек, не тот, каким его представлял себе полковник после каждого поражения красногвардейцами отрядов белых.

Полковник медленно отпил из стакана розовой медовухи, услужливо приготовленной на малиновом соку богатеями, и, крякнув, спросил:

— По всем данным, ты командир красногвардейской швали?..

Сухов не ответил.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, сволочь! — вскричал поручик Любимцев.

У Сухова на скулах заходили желваки, и черные глаза, как стрелы, вонзились в самодовольное полупьяное лицо полковника.

— Я не отвечу вам ни единого слова, пока вы не отдадите мне одежду и не будете со мной обращаться как с человеком, а не по-хамски...

— Ах, извините, ваше благородие! — осклабился полковник и громко захохотал. — Я и забыл, что вы какой-то чин имели... Ха-ха-ха!.. Вам неудобно в таком виде стоять перед нами?.. Принимаю!.. Ну, отдайте ему одежду...

Ерофей Кудрявцев передал Сухову узел, а с сапогами жалко было расстаться — держал подмышкой.

— Отдай сапоги, — подошел к нему поручик.

Ерофей замялся. Он никогда не уступал своего. Сапоги он считал уже своими, и вот — отдай...

— Как же... значит, мы за зря старались?.. Может нам награда какая будет, господин офицер?..

Любимцев вырвал у него сапоги, бросил Сухову и вывел братьев в сени.

— Я вам такую награду дам — домой не доползете... Сейчас прикажу казакам всыпать... Марш отсюда!..

Братья медлительно, огорченные до последней степени, покинули дом Капеима Кузьмина.

Сухов, не торопясь, селся и попросил напиться.

— Может быть, медовушки стаканчик выпьете? — предложил полковник.

Сухов отказался, и поручик принес ему кружку воды.

За четверо суток, проведенных в горах, он не выпил ни единого глотка воды и сейчас с жадностью припал сухими губами к кружке. Пил долго. Только когда кружка была выпита до дна — поставил ее на окно.

— Ну-с, — обратился к Сухову полковник Волков. — Давайте поговорим...

Он задал несколько вопросов подряд. Сухов молчал.

— Что ж вы не отвечаете, когда вас спрашивают?

— Об этом вам известно из документов... — отвечал Сухов.

— Да... Но я приказываю вам отвечать! — закипятился Волков. — Вы большевик?

— Да, я принадлежу к славной коммунистической партии...

— К шайке грабителей?

— Нет, партия Ленина не грабила трудящихся... Это вы пьете кровь и пот трудящихся...

— Замолчать! — привскочил Волков. — Отвечайте на во-

просы! Здесь вам не митинг... Скажите, где укрылись барнаульские совдепщики: Цаплин, Казаков и Присягни?..

— Мне это неизвестно, — резко ответил Сухов. — Но если бы я и знал, то никакие силы не заставили бы меня сказать...

— Вчера мои казаки разгромили ваши последние силы? Не так ли? — продолжал допытываться Волков.

— Нет... Наших сил вам не учесть, как нельзя их победить... Они везде — и настанет время, вам придется спасаться бегством от их справедливого гнева.

Поручик Любимцев подскочил к Сухову с намерением ударить, но Волков остановил его:

— Подождите, поручик, успеете... А что вы знаете о Сулиме — вашем начальнике штаба, товарищ Сухов? — допытывал Волков, подчеркивая слово «товарищ».

— Я вам не товарищ... Я — боец революции, не изменник, не предатель дела партии и пролетариата...

Любимцев с бешенством ударил его в лицо, скрутил назад руки и вытолкнул из дома в круг казаков.

— Мы тебя заставим говорить по-настоящему... Мы тебя заставим...

Отплываваясь кровью, Сухов крикнул:

— Я знаю свою судьбу... Но помните, скоро и для вас наступит час расплаты...

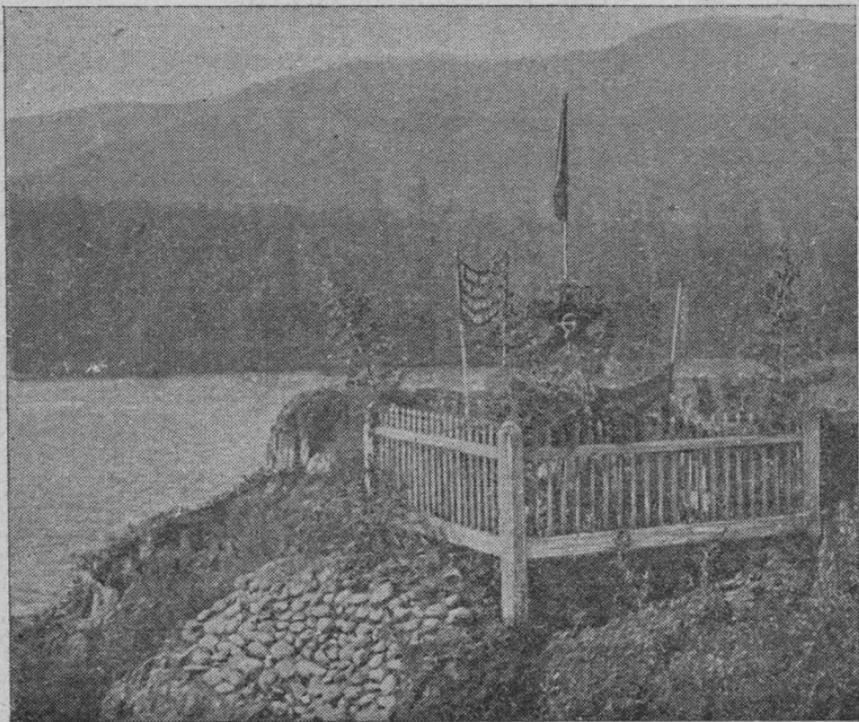
— В шагайки! — иступленно кричал выбежавший на крыльцо полковник Волков.

От сильного удара по голове Сухов упал на землю и сейчас же его спину, плечи и поясицу рванули десятки обжигающих ударов. Он не вскрикнул ни разу, не попросил пощады, а до крови закусив нижнюю губу, недвижимым пластом лежал на земле. Казалось, он был мертв, когда казаки подняли его за руки и оттащили в штаб.

... Когда стемнело, Сухов пришел в сознание. Все тело ныло от боли, трудно было пошевелиться. На столе тускло горела керосиновая лампа. В окно заглядывал бородатый казак.

Позднее в комнату вошел поручик Любимцев.

— Полковник приказал передать: если ты расквасишься и

...Недалеко от дер. Тюнгур, на берегу быстрой зеленоводной Катунь—одинокая могила славного командира героического отряда Красной гвардии—Петра Федоровича Сухова. Каждую весну, когда долины покрываются травами, молодежь убирает дорожку могилу живыми цветами ...

сообщишь нужные нам сведения, он сохранит тебе жизнь... Вот тебе лист бумаги и карандаш...

Глаза Сухова остановились на ровном желтом пламени лампы. Сколько бессонных ночей проведено у такого вот огонька! В памяти встает весь тяжелый путь, пройденный отрядом: родное Кольчугино... Бои с чехами и белогвардейцами... Кулундинские степи... горы Алтая... Катанда... Тунгур... Неожиданно вспоминаются масляные глаза Казарцева... Всегда услужливый Жебурыкин... и окровавленные губы шепчут:

— Тоже «революционеры»... Предатели!..

Через эти нагромождения событий, погибших товарищей вдруг ясно представилась жена... сын... и рука невольно потянулась к карандашу.

Преодолевая мучительные боли, в полутьме, он выводит дрожащей рукою неровные буквы на чистом листе бумаги:

— Победа будет за рабочим классом. Ему принадлежит будущее...

Ему хочется написать пару слов жене, сыну... Но ведь письмо никуда не пойдет — вспоминает он и обессилевшие пальцы выпускают карандаш.

Положив голову на левую руку, Сухов снова впадает в забытью....

Он не заметил, как снова появился поручик, как взял бумагу. Острая боль пронизала все тело, когда два казака подняли его с пола и повели из дома в амбар, где суждено было провести последнюю ночь.

Рано утром, когда солнце выглянуло из-за гор, поручик Любимцев ударом сапога разбудил Сухова.

— Вставай!.. Мы тебя отправим к товарищам совдепикам...

Сухов не мог идти. Нестерпимо болело все тело. Ноги были точно связаны. Через всю деревню, до берега его вели под руки два казака.

У берега шумной зеленоводной Катунки поручик остановил и построил казаков.

Собрав последние силы, Сухов крикнул:

— Вы расстреляли моих товарищей... Расстреляете и меня, но вам не расстрелять рабочий класс, не уничтожить дело, за которое мы умираем... Час возмездия — недалек!..

Со страшным грохотом ударил залп.

Сухов упал...

Горы сдвинулись, закрыли солнце, заглушили шум реки...

ГИБЕЛЬ РАЗВЕДКИ СУЛИМА

Рассказывают:

Разведывательная группа Сулима с большим трудом поднялась на гору Байду. Итти было тяжело. Обессиленные и взмокшие красногвардейцы валились на землю.

Углубляясь в кедрачи, они слышали перемежающиеся звуки перестрелки, словно под ногами великана хрустел сухой хворост.

Сулим остановил бойцов.

— Наверно наши попали на засаду. Надо спешить на помощь!

Разведчики бросились на склон горы.

Перестрелка усиливалась, но с горы не было видно ни своих, ни врагов.

Солнце уже опустилось за вершины Катунских белков, на долину ложилась сумерки. В вечерней мгле Сулим разглядел в бинокль темную массу людей, двигавшихся из Тюнгюра к месту боя.

Что это были за люди — никто не знал.

Ночная тьма закрыла долину, перестрелка стихла. Никто не хотел спускаться с горы.

— Бесполезно, — говорили бойцы. — Если они погибли — мы не поможем им, только положим там свои головы...

Тяжело было примириться с мыслью о гибели отряда. Ждали долго, может, кто подаст весть. Потом пошли через горы, не зная ни дорог, ни троп, глядя только на звезды — на восток.

Молчаливо шли бойцы в этот неизвестный и тяжелый путь. Теперь казалось, что в каждой долине, за каждым кустом их сторожит недремлющий, жестокий враг.

Патроны были на-исходе, защищаться было нечем...

Двое суток бродили по горам и только на третий день, к вечеру, вышли на берег реки Катунь.

Усталые и голодные, они обрадовались, увидев на другой стороне реки большую заимку. От заимки на левый берег тянулась изогнутая струна стального троса. На той стороне у заимки стоял паром-самолет. По берегу ходили люди.

— Дайте пар-о-ом! — кричали красногвардейцы.

Эхо перебросило крик с горы на гору. Но люди даже не оборачивались, словно все они были глухи.

Нужно было что-то предпринять. Восемь красногвардейцев вызвались переплыть Катунь. Они убеждали Сулима:

— К завтраму мы еще больше ослабеем, а пока есть силы, надо попытаться...

В этом месте Катунь казалась тихой, спокойной, но вода ее, необыкновенно зеленая, говорила о большой глубине.

Сулим предупредил об опасности, но не останавливал — это был единственный способ перегнать паром. Друг за другом восемь смельчаков вошли в воду и, ежась от холода, бросились в плавь.

Оставшиеся на берегу, не отрываясь, следили за товарищами.

— Не отставайте друг от друга! — кричали им вслед.

Пловцы еще не достигли и середины реки, как быстрое течение подхватило их и понесло вниз. Было видно, что с течением не справиться. Сложив трубой руки, Сулим кричал:

— Плывите по течению-у!.. Там берегом пройдет!

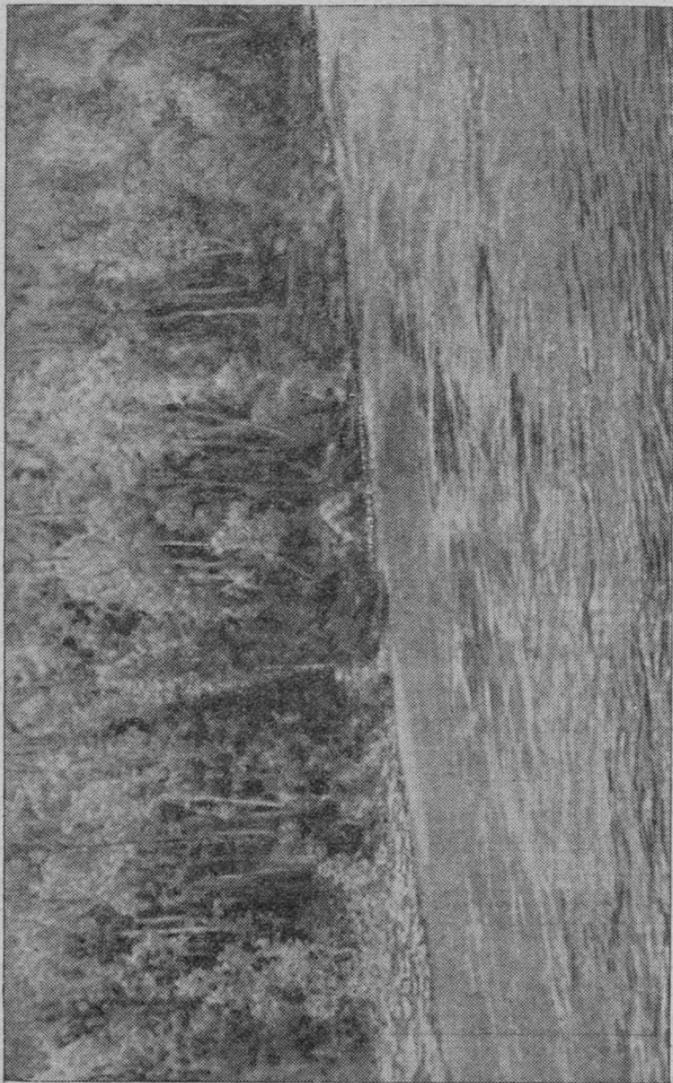
— Ух-у-у... Э-э-э... — повторило эхо.

Течение сносило быстро, темные точки на зеленой воде становились все меньше и меньше, и, наконец, совсем скрылись за поворотом реки.

Сулим послал человека последить за пловцами, но тот, вернувшись, сообщил:

— Ничего не видно, товарищ Сулим...

— Как не видно? — Сулим сорвался с места, взбежал на взлобок горы и пристально стал вглядываться вдаль. Ниже — река билась в узкой трубе и по зеленому ее хребту прыгали белые барашки — волны. Сулим долго глядит в эту зеленую бурную даль реки и сумрачный возвращается к бойцам.

Ниже Катунь билась в узкой трубе и по зеленому ее хребту прыгали белые барашки.

— Погибли, должно быть, ребята, — тихо говорит он. — Дальше река вся в бурунах... не одолеть им...

Все притихли, жадно вглядываясь в заимку. Она была совсем рядом, за рекой, но как в нее попасть без парома?.. Первая попытка — в этом они были твердо уверены, — кончилась гибелью товарищей.

— Эти «божьи люди» — кержачье — на глазах у них помирай — не протянут руки, — сказал один красногвардеец. — Это уж верно... Я их знаю...

— Почему же? — отозвался другой. — Руку-то они протянут, только за тем, чтобы задавить тебя. У них звериная ненависть к нам... В Катанде и Тюнгуре нас и встречали хорошо, чтобы после предать...

И опять наступает долгое молчание.

Уже яркое августовское солнце покатилося за вершины гор и по долине Катуня поползли сумерки, становилось холодней...

— Наверно, — сказал Сулим, — кержаки нас «не слышат»... Что будем делать? Где ночевать?..

Ему никто не ответил. Уходить в тайгу от жилого места никому не хотелось; у некоторых еще теплилась надежда, что отважная восьмерка вот-вот появится на том берегу.

— Как же, товарищи, будем?.. — снова спрашивает Сулим.

Все продолжали молчать. И тогда вскочил низкорослый крепкий красногвардеец:

— Разрешите, товарищ Сулим, я по канату перемахну на ту сторону...

Красногвардеец был молод и на лице его не было заметно той усталости от трехдневного перехода, которая была видна у многих.

Сулим резко возразил:

— Нет, нет... Восемь человек попытались вон... и мы все виноваты, что не удержали их... По канату!.. Легкое дело!.. Ты что, в цирке прежде работал?..

Но красногвардеец начал доказывать, как это легко он проделает, и Сулим, колеблясь, замолчал.

— Вы даже не успеете по цыгарке выкурить, как я буду

на том берегу, — заявил красногвардеец. — Сухой ногой на паром взойду...

Сулим сдался.

Красногвардеец разделся, сбросил сапоги и, отыскав толстую березовую палку, сказал:

— Вот мои салазки... Только засвистит, как я покачу до середины... Не оглянетесь!.. А там на руках дойду...

Стальной канат провис над рекой и красногвардеец быстро покатился к середине. Все с замиранием сердца следили за его движением. Многие вскочили, словно им с пригорка плохо было видно. По инерции он пролетел дальше чем до середины реки, потом движение стало замедляться и все увидели, как он бросил палку в воду и, перехватываясь руками, уверенно пошел к парому.

— Теперь дойдет! — облегченно вздохнул кто-то.

Этот вздох повторили многие, а Сулим даже похвалил:

— Ну, молодец!.. Теперь, даже если он и сорвется, то до берега ему доплыть...

Он не закончил фразы.

От крайней избы отделился человек в пестрой рубаше и, сделав несколько шагов по направлению к парому, припал на колено. В тот же момент все увидели, как он вскинул к плечу что-то длинное, похожее на палку.

— Что?! — кинулся Сулим к берегу. Ему показалось, что человек приготовился к выстрелу. Все бросились за ним, точно готовясь перескочить реку.

Ударил выстрел и красногвардеец, находившийся уже недалеко от берега, оторвался от каната, упал в воду.

По убежавшему кержаку резанул залп. Но было поздно, он быстро скрылся за избой.

— Вот они почему «не слышат», сволочи! — выругался Сулим.

Красногвардейцы кипели негодованием.

— Мы, конечно, переберемся через Катунь, — говорил Сулим, потрясенный событием. — И кержачье поплатится...

... Отряд заночевал здесь же, на берегу, у переправы,

Ряд поражений, которые нанесли суховцы белогвардейцам (Баево, Линьки, Глубокое, Шемалино, Вознесенское и др.) заставил эсеро-меньшевистское правительство бросить значительные силы на разгром отряда. В то время, когда Волков со своими казаками осаждал Тележиху, в Катанду прибыл из Увалы со своим отрядом добровольцев поручик Любимцев. Такой же отряд под командой офицера Малкина, сына кушца из Нижнего Уймона, прошел по Чуйскому тракту до Усть-Ини и здесь тоже организовал кулаков: в случае, если отряд Сухова все-таки прорвется через цепь Любимцева — не дать ему возможности уйти в Монголию.

Кулацкая заимка, в которую никак не мог попасть Сулим со своим отрядом, хорошо была осведомлена — кто находится на том берегу.

Отгороженные быстроводной рекой, белогвардейские сторожевые не боялись отряда.

Когда отряд Сулима появился на берегу, с заимки был послан нарочный в Усть-Иню. Этот же нарочный ночью провел отряд Малкина, уже левым берегом Катуня, к тому месту, где почевали красновардейцы.

Сулим не спал всю ночь. Он вспоминал суровое мужественное лицо Сухова, его постоянную настороженность и не мог понять: как легко они оба доверились человеку, затянувшему их отряд в ловушку!

Заимка на том берегу не казалась Сулиму ловушкой — она встретила отряд выстрелом, откровенной ненавистью.

Сулим долго, мучительно долго думает о том, как вывести из этих страшных гор оставшихся пятьдесят товарищей. Граница — недалеко. Но горы стояли трудно проходимой стеной и за ними — неизвестность.

Усталый, не решив мучительные вопросы, он на рассвете разбудил одного бойца:

— Давай-ка, подежурь, брат, я что-то устал... сил нет...

Но Сулим не успел еще уснуть, как ударил залп, за ним второй, третий... Он упал первым и уже не видел, как его бойцов, прижатых к берегу, расстреливали белогвардейцы.

Поднявшееся солнце осветило на берегу молчаливые трупы бойцов. Их путь был окончен.

От займки, через зеленую шумную Катунь, летел паром — на нем бородастые кержаки, без шапок, плыли с «хлебом-солью» встречать отряд офицера Малкина.

Что же случилось с восьмью отважными бойцами, которые решились переплыть бурную реку?

Уже в глубоких вечерних сумерках их, окоченевших от холодной воды, избитых, исцарапанных о камни, река выбросила на небольшой островок. Резкий холодный ветер, тянувший с верховьев, не дал уснуть до рассвета. А когда взошло солнце, они увидели за широкой бурной протокой три кержачьи избушки, прилепившиеся на берегу. Там уже ходили люди, женщины доили коров и прогоняли их в лес. На берегу лежали перевернутые лодки. Но сколько красногвардейцы ни кричали, сколько ни просили о помощи — никто и не оборачивался в их сторону, словно бы на острове не было ни одной живой души. День за днем уходили силы. Измученные холодом и голодом, они умерли один за другим на глазах у людей, которые даже чулечей не хотели облегчить их кончину.

ОДИН ИЗ МНОГИХ ..

Его имя осталось неизвестным, как неизвестны имена многих героев Красной гвардии, отдавших свою жизнь за дело революции, за великое дело освобождения трудящихся...

... Он целые дни вынужден был лежать в высокой горной траве, плотно прижавшись к земле. По горам ездили люди, ловили его товарищей. Только изредка он поднимал голову, чтобы взглянуть вниз, на долину, по которой в беспорядке были разбросаны домики маленькой деревушки Тюнгур.

Он смотрел на деревню жадными глазами голодного. От тоски по пище, он рвал зубами траву, жевал ее, и проглотив собственную слюну, разбавленную горьковатыми соками зелени, корчился от боли в животе. Даже попить здесь нечего было. А там, внизу — сытая деревня, говорливые ручьи, шумная река.

Вчера на рассвете он видел, как казаки вывели за село группу его товарищей и как за взрывом залпов они падали друг за другом в приготовленную яму.

— Там — смерть.

Но и здесь его тоже ожидает смерть. Он знает, что многие из отряда так же вот в одиночестве, может быть совсем рядом с ним, голодные, измученные, воспаленными глазами глядят на деревню, словно ждут от нее помощи.

— Ну, хоть бы маленький кусочек хлеба!.. Совсем маленький!..

Пятый день без пищи, пятый день нечем смочить пересохшее горло, и только на рассвете, когда трава никнет под обильной росой, он собирает ее ладонями и вылизывает досуха. Но это никогда не утоляет жажды, только раздражает. Прощумит по травам предутренний холодный ветерок, алмазы росы осыпятся на землю и опять целые сутки приходится ждать рассвета, чтобы смочить шершавый язык.

Солнце, что дает жизнь всему живущему, было для него невыносимым. Оно слишком долго задерживалось на небосклоне, заставляло лежать, плотно прижавшись к земле. По горам ходили люди.

Вот и сегодня: группой поднялись казаки, в одиночку прошли бородачи, местные жители. Ни на минуту нельзя поднять голову.

От долгого лежания болит грудь, ноют руки, ноги...

— Скорее бы ночь!.. — не говорит, а только думает он, потому что трудно повернуть отяжелевший язык. Тогда можно встать, расправить уставшие плечи и грудь, размять отекавшие ноги и итти...

А солнце поднялось над высочайшей горой Алтая — Белухой, над ее сверкающими вершинами, и словно остановилось.

Вновь и вновь он вспоминает предательскую засаду, ночной подъем на гору Байду.

Тогда гора казалась спасительницей от пуль скрытого врага, сейчас она была страшна, как могила, куда добровольно должен лечь он.

В мущах, в раздумье проходит день. И когда солнце падает за далекие вершины гор и на долину спускается ласковое покрывало ночи, он встает и идет к деревне.

Теряя последние остатки сил, он спускается по крутому склону горы, цепляется за кустарники и, обессиленный, падает у валежины и уже больше не может подняться...

Фокая Носкова вызвали в штаб. Хозяин дома, Капсим Кузьмин, встретил его злым ворчанием:

— Ты што ж это, Фокай, беленьким хочешь остаться? Пускай, дескать, другие имают красных гвардейцев, а мое дело — с краю?.. Так, што ли?..

Фокай не ответил на злой вопрос Капсима.

— Зачем звали? — понуро спросил он.

— Сказать вот полковнику, он у тебя дурь из головы выбьет... — продолжал ворчать ожиревший кулак. — Иди к хорунжему — он скажет...

Хорунжий передал Фокаю мешок с провизией и приказал отнести на гору Тюнгурку — казакам.

За селом чернела горка свежесыпанной земли — братская могила; здесь лежало 140 мужчин и 4 женщины — бойцы героического отряда Красной гвардии. Но на горе Тюнгурке, склонившейся над деревней, полковник Волков все еще держал пулеметное гнездо. Пока не был пойман Сухов, он не верил в «победу». На всякий случай он загнал группу казаков с пулеметом на гору.

Фокай Носков, взвалив на плечо мешок, медленно поднимался в гору. Солнце клонилось к закату и в тени не было жарко, но от крутого подема учащенно билось сердце и холодным потом покрывался лоб.

Осторожно ставя ногу, чтобы не скатиться вниз, Фокай и не заметил, как молодая пихточка сорвала с его головы кошемную шляпу.

Он остановился и оглянулся назад. Шляпа, как живая, катилась вниз, между пеньками и кустами. Вот, наконец, она задержалась у пенька. Дунет ветер — она опять покатится.

— Нет, однако, надо вернуться, — подумал Фокай, — а то закатится и не найдешь потом...

Он спустился к пеньку и только наклонился, чтобы взять шляпу, как из-за пня поднял голову человек. На сухом изможденном лице, в глубоких впадинах, горели большие черные глаза. Они точно приковали Фокаю к месту — он не знал, что делать, и стоял, вглядываясь в страдальческое лицо незнакомца.

— Ты меня не бойся, — прошептали сухие губы. — Я такой же человек, как и ты...

— Что же ты здесь лежишь? — спросил, содрогаясь, Фокай.

— Вот... уйдут казаки... — и уже совсем тихо, словно в нем догорала последняя капля жизни, добавил. — Сил нет... с голоду... помираю... Я красногвардеец...

Фокай торопливо отсыпал ему из мешка несколько горстей сухарей и хотел идти, чтобы не привлечь внимания казаков, но красногвардеец задержал его.

— Я не знаю, чем тебя отблагодарить... — зашептал он и глаза его осветились всепобеждающей надеждой на жизнь. — Есть вот компас, но он мне будет нужен... ты понимаешь...

Он копался правой рукой в кармане, чтобы хоть чем-нибудь отплатить за человеческую доброту, в то время, как левая совала в пересохший рот сухарь. Наконец, он отыскал в кармане серебряный рубль и подал его Фокаю.

— Возьми на память...

Фокай положил рубль в карман, надел шляпу и также медленно стал подниматься в гору...

И опять прошла ночь — шестая по счету — и на следующий день красногвардеец видел, как казаки с песнями покинули деревню...

Деревня затихла.

Перед вечером красногвардеец спустился с горы. Он не мог найти человека, давшего ему сухари. Зашел в первый попавшийся дом.

Его встретила старуха. Завсхлипывала:

— Господи-батюшко!.. И что только эти ироды-казаки делают!.. Человек-то извелся, ни рожки, ни кожи...

Она услужливо закрутилась в хлопотах, налила в «мирскую» посудину щей.

— Кушай вот, батюшко, што бог послал... — А сама, поймав на дворе девочку-внучку, шепнула ей:

— Беги-ка, доченька, к тятке на поюзос, позови его домой... Нужен, дескать, бабушка велела...

Уже вечерело, когда вернулся с покоса сын Ларион. Красногвардеец после еды полудремал у стола.

Широким, лохматым зверем Ларион вломился в избу. Не здороваясь, еле сдерживая при матери гнев, буркнул:

— Нам красную сволочь держать не приходится... давай уматывай...

Красногвардеец устало поднялся с лавки.

— Я только перешошечать хотел...

— Иди-иди... — и Ларион, зло сверкнув маленькими медвежьими глазами, сунул красногвардейца кулаком в спину, — разговаривать с тобой...

Бессильный человек не оказывал сопротивления. Ларион почти волоком дотащил его до берега Катуня. Скрутил руки, ударил в лицо.

— Скидывай одежду! — Тебе и без нее хорошо будет...

И ослепленный яростью, ударил камнем по голове.

Красногвардеец застонал и смолк.

Ларион спокойно, чтобы не порвать, снял с него одежду и еще теплое тело столкнул в Катунь.

— Плыви... к своим...

Дома мать, осматривая гимнастерку, прикладывала ее к плечам сына, сожалея:

— Узковата, однако, будет на тебя, сынок... А товар-то добротный... И штаны тоже... Ты куда его отправил?..

— Пустил, — нехотя ответил Ларион. — Нам держать ихнего брата не приходится...*

* Я записал этот рассказ со слов тунгурцев и поинтересовался дальнейшей судьбой Лариона Черепанова.

— Когда советская власть вернулась в Сибирь, — ответили мне, — он пристал к отряду Бакича и с ним ушел в Китай... Так

ДОРОГИЕ МОГИЛЫ

Весь путь от Тележихи до Тюнгурса — это кладбище красногвардейцев из отряда Сухова. Нет ни одного села, где бы не было замучено или расстреляно 5—10 или 20 красногвардейцев.

Это могилы тех, кто отстал от отряда, заблудился в лесу и, не зная направления, шел в первую попавшуюся деревню, в лапы кулаков и казаков.

Белогвардейцам не удавалось торжествовать победу над отрядом Красной гвардии в боях. И они мстили безоружным, измученным голодом людям. Никто из жителей не помнит, чтобы хоть один пойманный красногвардеец был отпущен. По-звериному шарились белобандиты на жертву, раздевали ее до нижнего белья, на глазах у населения делили одежду, потом — казнили.

В Сибирячихе расстреляно 10 красногвардейцев. Они отстали от отряда в Тележихе и шли в свои родные места.

О расстреле 3 красногвардейцев рассказывают следующее:

«Их расстреливали среди бела дня, за огородами, у скалы. Казачий офицер Токарев, поставив красногвардейцев, скомандовал:

«—Поверните свои морды к скале!..

«Двое повернулись, а третий не подчинился приказу.

«—Чло, гадина, шравде в глаза смотреть не можешь?.. Стреляй в грудь!.. — крикнул он.

«Офицер махнул рукой. После залпа — двое упали, а этот стоит. Еще раздался залп, потом еще... да семь раз стреляли в него, а он стоит и, захлебываясь кровью, говорит:

«—Врете, гады, — всех не перебьете!.. За нами правда!..

«Только потом упал и затих».

по сей день — ни слуху, ни духу... Зверь был мужик, что и говорить. Он не одного красногвардейца тогда убил. От его руки погибли многие...

Остальные семь человек расстреляны в другом месте. На их могиле небольшой памятник,

В селе Топольном, за огородами, на пригорке виднеется братская могила.

На почерневших досках старого памятника, со всех четырех сторон, полустертые надписи:

„Здесь товарищи Суховского отряда“.

„Склоните головы, здесь спят герои!..“

„Вы погибли, но правое дело к намеченной цели идет“.

„В борьбе за свободу вы отдали жизнь. Люди, которые о вас забывают—совершают преступление“.

В этой могиле похоронено 17 человек. Есть еще две могилы, в которых зарыто 23 красногвардейца.

Через Черный Анууй отряд красногвардейцев не проходил. Его путь лежал из Каракола на Усть-Муту и на Усть-Кап. После отхода отряда кулаки поймали 20 отставших красногвардейцев. Все они были расстреляны казаками в Черном Ануе. Среди них была одна женщина-красногвардейка.

О ней рассказывают так:

«Ее ранили в живот. Она очень мучилась — ползала по земле, а за ней волочили ее кишки. Раненая кричала:

— Дайте воды!..

Казаки не допускали к ней никого.

— Пусть издыхает, сука! — кричали они.

Все-таки одна женщина прорвалась и подала раненой кружку воды, и тотчас же поплатилась за это: казаки схватили ее и тут же выпороли.

Красногвардейка умерла в нечеловеческих муках, окруженная «казаками».

И так в каждом селе, на всем пути от Тележихи до Тюнгура.

О погибших героях помнят не только старики, но и наша молодежь. Она каждый год убирает их могилы живыми цветами.

ПУТЬ СЛАВНЫХ

Когда над страной Советов нависла смертельная угроза контрреволюции, лучшие сыны рабочего класса и трудового крестьянства ринулись в бой, чтобы отстоять завоевания Октября.

Таким героическим отрядом у нас в Сибири был отряд Красной гвардии под командой большевика Петра Федоровича Сухова.

Организованный из шахтеров Кузбасса, малочисленный и плохо вооруженный отряд не мог противостоять чехам и белогвардейцам и после нескольких боев с врагами революции должен был начать свой исторический поход. Через тайгу и Салаирский хребет он прошел к Барнаулу, освободил, совместно с каменскими красногвардейцами, город от восставших белых банд, но спустя четыре дня, под натиском многочисленных врагов, эвакуировался в сторону Омска.

Стремясь соединиться с советскими частями, выросший за это время отряд с боями прошел Славгородской степью почти до главной железнодорожной магистрали и, узнав о падении Омска, повернул на юг, чтобы через Монголию идти на соединение с красным Туркестаном. Преодолевая тяжесть переходов в горах Алтая, отряд погиб от предательства у границы Монголии, в деревне Тюнгур.

На колоссальном своем пути (около 3 тысяч километров), в обстановке полного окружения, отряд Сухова неоднократно разбивал превосходившие его численностью и вооружением отряды чехов и белогвардейцев.

В незнакомой местности Алтайских гор, преданный эсерами, отряд Сухова погиб почти поголовно. Но не погибло дело, за которое он боролся.

— Победа будет за рабочим классом! — бросает перед расстрелом Сухов своим врагам.

Путь, по которому прошел этот героический отряд Красной гвардии, явился очагом крестьянских восстаний. Именно в этих местах впоследствии начало развиваться партизанское движение в Западной Сибири.

Передвигаясь от станции Алейской на Омск, Сухов организовывал, где только было возможно, подпольные большевистские ячейки из фронтовиков.

— Советская власть не может погибнуть... Мы скоро вернемся... — говорил он молодым большевикам.

Так им были созданы: серебренниковская, боровская, савинская, кобаньская, волчихинская и другие ячейки.

В некоторых селах он предлагал оружие населению. Разбив в двух боях в селе Вознесенском чехов и белогвардейцев, Сухов во время похорон командира Трусова в селе Кобань говорил крестьянам:

— Берите у нас оружие. Оно вам пригодится, иначе безоружными вы должны будете идти против своих врагов...

И буквально не успели еще смолкнуть залпы расстреливаемых красновардейцев в далеком Тюнгуре, как вспыхнуло Чернодольское восстание в Славгородском уезде.

Чернодольцы были воодушевлены агитацией и героическими боями красновардейцев отряда Сухова.

Плохо организованные и недостаточно вооруженные чернодольцы были жестоко разгромлены. Атаман Анненков зверски расправился с повстанцами, но это не убило надежды у крестьянской бедноты на возврат советской власти.

Менее чем через год поднялись крестьяне, организованные большевиками, в селе Зимино. За ними восстали Волчиха, Боровское и многие другие села.

Росли и множились отряды партизан, сливаясь в полки и дивизии.

В предгорьях Алтая и в Кулундинской степи возникла пятидесятитысячная партизанская армия Мамонтова. Она оттянула на себя силы колчаковской армии с фронта, деморализовала тыл белогвардейцев, облегчила продвижение Красной армии в глубь Сибири.

В декабре 1919 года над Западной Сибирью вновь реяло непобедимое знамя Советов, под которым героически боролся и погиб славный красногвардейский отряд Петра Сухова.

КАК РОЖДАЕТСЯ ПЕСНЯ

В 1936 году по следам героического отряда Петра Сухова прошла наша экспедиция, организованная краевым комитетом партии.

Мне вспоминается почевка в кырлыкском колхозе, населенном исключительно ойронтами.

На митинг и просмотр картины «Чапаев» пришли не только все жители Кырлыка, но и приехали люди из соседних айлов.

Этот вечер затянулся — школа еле в состоянии была вместить всех собравшихся. Порой казалось, что от бурных аплодисментов народным героям Чапаеву и Фурманову не выдержат стены.

Глубокой полночью мы закончили показ картины. Люди начали расходиться по домам; приезжие отправлялись в ночь к своим айлам.

Отъехала одна группа, другая и вдруг в тихой звонкой ночи родилась песня. Это пел алтаец. Я попросил товарища, знающего русский язык, изложить мне ее содержание, и она, примерно, звучала так:

Вечными льдами одетые горы
сверкают, как серебро...

При власти Советов бедный ойрот —
впервые увидел солнце...

Горные реки прозрачной водой
орошают наши долины.

Свергли зайсанов, Советская власть
делает людей счастливыми.

Над горами твоими, родной Алтай,
проносятся годы, столетья..

Советская наша страна —
нерушимо стоит, как скала..

Чапаев погиб и Сухов погиб,
на место их встали другие —
Не топтать больше нашей земли
врагам трудового народа...

Так родилась песня. Завтра ее пропоют другие и она будет жить в народе, как памятник героическому прошлому. Отряд погиб, но дело, за которое он боролся, победило, и не одну еще такую песню сложат те, кого освещает радостное солнце Сталинской эпохи.

Новосибирск. 1937 г.

КЕМЕРОВСКОЙ

Центральной библиотеки

№ 176570 — ПУБЛ.

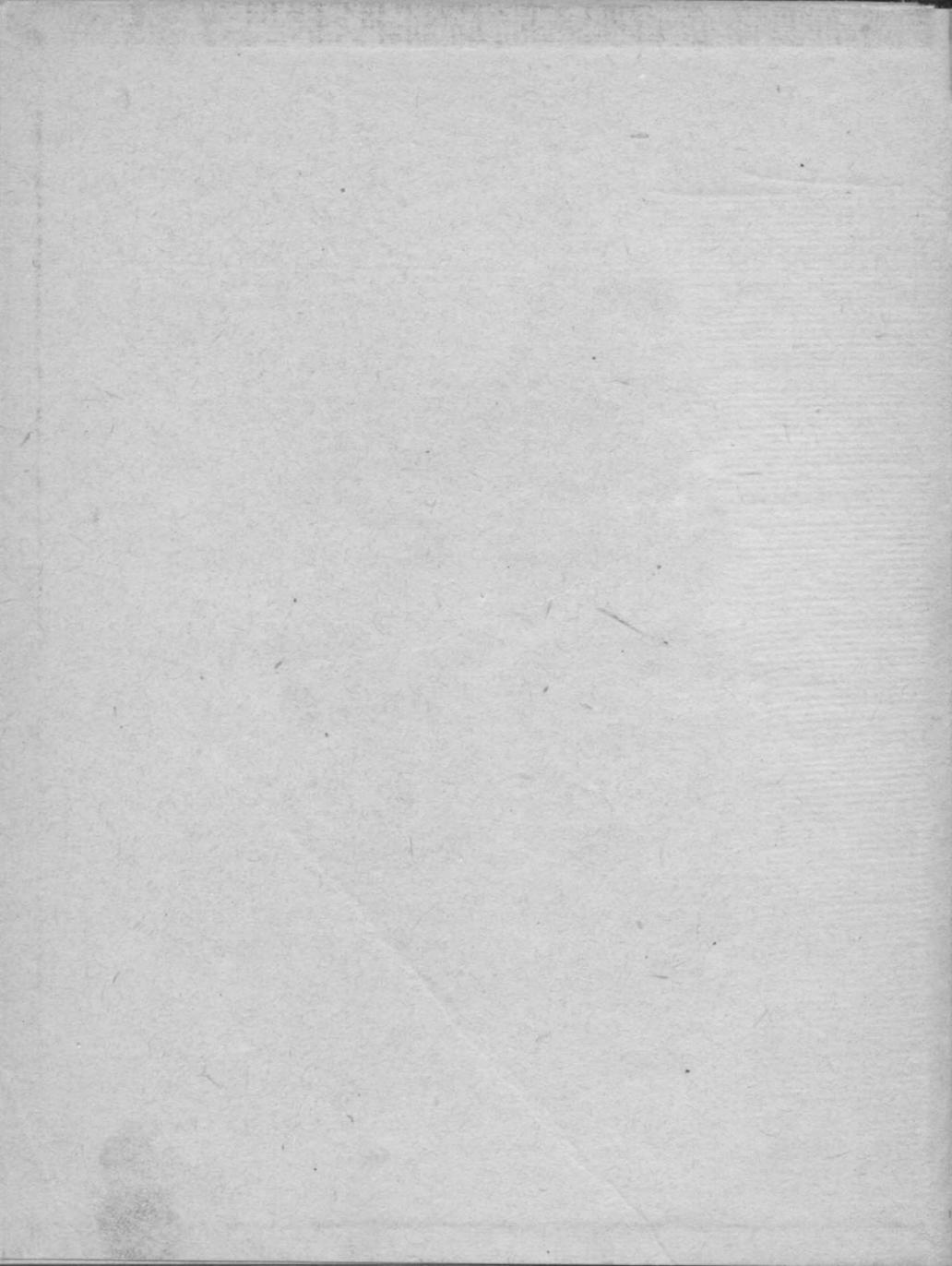
~~Новосибирская областная~~

~~научная библиотека~~

~~№ 285107~~

— 22 —

+

0-29.

3

20.981